

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

К.А. АВЕРЬЯНОВ

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ВЛАДИМИРСКАЯ МАРИЯ

Загадка погребения в Княгининском монастыре

Новейшие исследования по истории России

Константин Аверьянов

**Великая княгиня Владимирская
Мария. Загадка погребения
в Княгининском монастыре**

«Центрполиграф»

2020

УДК 94(47)027+929 Мария Ясыня
ББК 63.3(2)41

Аверьянов К. А.

Великая княгиня Владимирская Мария. Загадка погребения в
Княгининском монастыре / К. А. Аверьянов — «Центрполиграф»,
2020 — (Новейшие исследования по истории России)

ISBN 978-5-227-09168-0

Говорят, что деятельность историка во многом сродни работе следователя. В справедливости данного утверждения пришлось убедиться в октябре 2015 г., когда в одной из древнейших обителей Владимира, Успенском Княгининском монастыре, была вскрыта гробница его основательницы – жившей во второй половине XII в. Марии Шварновны, первой жены великого владимирского князя Всеволода Большое Гнездо. В захоронении оказались останки четырех человек. Эта удивительная находка потянула за собой целое расследование, чтобы выяснить: кем были эти люди и какое отношение они имели друг к другу? Шаг за шагом историку все же удастся распутать эту загадку. Попутно решаются и другие вопросы: кем являлась по этническому происхождению Мария – «ясыней», т. е. происходившей из народа ясов – предков современных осетин (как полагает древняя Ипатьевская летопись), то ли она происходила из чехов, как утверждают летописцы XV–XVII вв.? Был ли ее отец князем и где он княжил? Когда и зачем был построен Дмитриевский собор во Владимире? Откуда взялся лев на гербе Владимира? Где нашли «Слово о полку Игореве»? В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(47)027+929 Мария Ясыня

ББК 63.3(2)41

ISBN 978-5-227-09168-0

© Аверьянов К. А., 2020

© Центрполиграф, 2020

Содержание

Вместо предисловия. Тайна монастырского погребения	7
Экспертизы	9
Трудности датировки событий семейной жизни Марии	15
Зачем Всеволод Большое Гнездо воздвиг Дмитриевский собор во Владимире?	28
Сохранилась ли могила Марии?	32
Идентификация найденных останков	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

К. А. Аверьянов
Великая княгиня Владимирская
Мария. Загадка погребения
в Княгининском монастыре

© Аверьянов К.А., 2020

© «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2020

Вместо предисловия. Тайна монастырского погребения

Одной из древнейших обителей Владимира, третьей по счету столицы России в XII–XV вв. (после Старой Ладogi и Киева), является женский Успенский Княгинин монастырь. Расположенный в стороне от главных туристических объектов города, он мало посещается экскурсантами. А между тем его история весьма примечательна и восходит ко временам еще до Батыева нашествия. Согласно известию летописца, он был основан на рубеже XII–XIII вв. великим князем Владимирским Всеволодом Большое Гнездо по настоянию его первой супруги Марии¹. В источниках она упоминается по-разному: *Всеволожская* – по имени мужа, реже *Шварновна* – по имени отца и, наконец, *Ясыня*, по своему происхождению от ясов – так в Древней Руси в целом называли аланов – предков современных осетин.

Мария стала матерью всех детей Всеволода Большое Гнездо – восьми сыновей и четырех дочерей². Именно благодаря ей Всеволод из-за своего многочисленного потомства стал впоследствии известен под прозвищем Большое Гнездо³. Четверо из сыновей Марии стали великими владимирскими князьями, а двое из них (Константин и Юрий Всеволодовичи) были впоследствии канонизированы. Кроме того, она явилась родоначальницей целого ряда княжеских династий, включая и московских Рюриковичей, правивших Русским государством вплоть до 1598 г.

Мария и сама по себе, несомненно, являлась неординарной личностью, уважаемой современниками. В древней Троицкой летописи после известия о кончине Марии был помещен настоящий панегирик в ее честь. В нем она прославлена за исключительно благочестивый образ жизни, покровительство церкви, щедрость и милосердие. Летописец хвалит ее за украшение церковей серебряными и золотыми сосудами, называет российской Еленой, Феодорой, второй Ольгой⁴. Знаменитый историк С.М. Соловьев, говоря о роли женщин в древнерусском обществе, особо отмечал, что данная летописная запись является примером уважения к женщине в Древней Руси⁵.

Именно от Марии получил свое название и Княгинин монастырь, который изначально задумывался как родовая усыпальница княгинь и княжон Владимирского великокняжеского дома. На протяжении последних семи лет жизни она тяжело болела и дала обет последние дни жизни посвятить Богу служением в монастыре. Так и случилось: пробыв в обители 18 дней, княгиня скончалась и была здесь же похоронена в марте 1206 г.⁶

В советское время обитель была закрыта. Сестры были выселены, а игуменья Олимпиада, отказавшаяся покинуть монастырь, подверглась аресту и ссылке. Жилые кельи и прочие строения отдали под жилье. На территории обители образовался поселок и жилищно-аренд-

¹ Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 415. (Далее: ПСРЛ.)

² См.: Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. 1. Фамилии российско-княжеские. СПб., 1854. С. 205–206. Определенным недоразумением следует считать мнение, что Всеволод имел 15 детей (Пчелов Е.В. Династическая история рода Рюриковичей // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и российская государственность. М., 2008. С. 15).

³ Точно неизвестно, когда Всеволод получил это прозвище. Но, во всяком случае, уже в ранней традиции именования князей Северо-Восточной Руси он именуется как «Всеволод Великое Гнездо». Она восходит к XV в. и впервые фиксируется в летописной статье «Сие родословятся велиции князи Русьстии» в рукописи Археографической комиссии, помещенной перед Комиссионным списком Новгородской первой летописи (ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 465. Л. 7).

⁴ Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. 2-е изд. СПб., 2002. С. 289–291; ПСРЛ. Т. I. Стб. 424–425. Елена – мать византийского императора Константина. Феодора – византийская императрица, супруга и соправительница императора Юстиниана I. Ольга – русская княгиня, мать князя Святослава.

⁵ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1988. Кн. II. С. 70.

⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 424–425.

ное кооперативное товарищество (ЖАКТ) имени Воровского. На момент ликвидации обители в ней имелось два храма. Главный соборный (холодный) храм – во имя Успения Божией Матери – был закреплен за Владимирским музеем. Второй (теплый) храм – во имя Казанской иконы Божией Матери – был отдан под хранилище документов государственного архива Владимирской области, которое располагалось здесь с 1928 по 1997 г. Монастырь запустел на 70 лет⁷.

Несмотря на то что Успенский собор отдали музею, тот, нуждаясь в деньгах, вынужден был сдавать собор в аренду: сначала военкомату, с 1929 г. храм использовался под хлебный склад, а с 1931 г. – как зернохранилище, что окончательно уничтожило нижний пояс живописи⁸.

С 1945 г. в соборе разместились Владимирская реставрационная мастерская, что в определенной мере спасло здание. И только в 1990-х гг. здесь вновь возродилась монашеская жизнь. 22 марта 1993 г. по ходатайству Евлогия, епископа Владимирского и Суздальского, Успенский собор был передан Владимиро-Суздальским музеем в пользование Владимирской епархии. Определением Священного Синода 11 июня 1993 г. обитель была возрождена. Но только через пять лет, в октябре 1998 г., храм окончательно передали монастырю⁹.

В 1997–1999 гг. в Успенском соборе установили новый резной двухъярусный иконостас, а в октябре 2015 г. дело дошло до реставрации Благовещенского придела Успенского собора монастыря, где в аркосолии правой стены – так называется ниша в стене храма в виде арки или апсиды, в которой обычно помещалась гробница (от *лат.* *arcosolium* от *arcus* – арка и *solium* – трон, гроб, саркофаг) – была захоронена основательница обители.

12 октября 2015 г. в ходе работ могила Марии со всеми предосторожностями была вскрыта. Каково же было удивление присутствующих, когда из ниши извлекли останки не одного, а нескольких человек! Кем были эти люди? Судя по тому, что погребение находилось неподалеку от алтаря Благовещенского придела, можно было предположить, что это были видные в свое время личности. Но никто не мог ответить на вопрос об их именах, и поэтому Евлогий, тогдашний митрополит Владимирский и Суздальский, 2 ноября 2015 г. решил обратиться к московским специалистам, чтобы провести экспертизу найденных останков.

⁷ Свято-Успенский Княгинин женский монастырь во Владимире. 1200–2000 гг. Владимир, 2000. С. 16–17.

⁸ Успенский Княгинин монастырь во Владимире. М., 1995. С. 38; *Мишин С.Н., свящ.* Очерки по истории Владимирской епархии (X–XX вв.). Владимир, 2004. С. 11–13.

⁹ *Аксенова А.И.* История. Судьба. Музей. Владимир, 2001. С. 221; Свято-Успенский Княгинин женский монастырь во Владимире. С. 18–23.

Экспертизы

Выбор пал на С.А. Никитина, эксперта высшей квалификационной категории Бюро судебно-медицинской экспертизы Департамента здравоохранения города Москвы. К этому времени Сергей Алексеевич зарекомендовал себя как один из самых известных российских специалистов в этой области. После окончания 2-го Московского медицинского института имени Н.И. Пирогова он начал работать с 1973 г. в Бюро судебно-медицинской экспертизы. Еще в студенческие годы его заинтересовала антропологическая реконструкция (восстановление внешнего облика человека по черепу), которой он начал заниматься в лаборатории всемирно известного антрополога М.М. Герасимова (1907-1970). С.А. Никитину удалось сделать заметный шаг в этом направлении, разработав методики графического построения портрета по черепу с использованием компьютерных программ. Примечательно, что на международном конкурсе специалистов в области антропологической реконструкции в марте 2000 г. в США выполненное им контрольное восстановление портрета по черепу было признано лучшим. Помимо своей непосредственной деятельности в правоохранительных органах (им было выполнено свыше 500 скульптурных и графических портретов для розыскных целей), Сергей Алексеевич привлекался к работе правительственной комиссии по факту обнаружения останков семьи последнего русского императора и в качестве эксперта производил их портретную экспертизу, участвовал в уточнении обстоятельств смерти С.А. Есенина. Широкую известность получили восстановленные им портреты цариц и великих княгинь, чьи останки были захоронены в Вознесенском монастыре Московского Кремля, а после его сноса в 1929 г. были перенесены в подклет Архангельского собора.

На основании обращения митрополита Евлогия была назначена экспертиза на предмет выяснения того, кому принадлежат найденные останки. В ноябре 2015 г. комиссия выехала во Владимир, где было проведено предварительное исследование останков.

Изначально была произведена их раскладка, исходя из размеров, цвета и биологического возраста черепов, костей индивидов, после чего останки условно пронумеровали. Выяснилось, что они принадлежат четверым людям: № 1 – женщине в возрасте около 45–50 лет, № 2 – женщине в возрасте около 25–30 лет, № 3 – девочке в возрасте около 9 лет, № 4 – человеку с неустановленным полом (сохранились только три небольших фрагмента заднего отдела свода черепа), возраст которого можно определить от 10 до 40 лет.

После этого, в феврале 2016 г., было назначено комплексное судебно-медицинское и антропологическое исследование. Экспертами, кроме С.А. Никитина, выступили: С.Б. Боруцкая, кандидат биологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры антропологии биологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, С.В. Васильев, доктор исторических наук, заведующий Центром физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН, и С.Ю. Фризен, специалист-антрополог этого же центра. Перед ними поставили задачу ответить на следующие вопросы:

1. Каковы пол и возраст людей, останки которых обнаружены 12 октября 2015 г. в аркосолии южной стены северного Благовещенского придела Успенского храма в Княгинином монастыре Владимира?
2. Являются ли эти люди (№ 1, 2 и 3) родственной группой: «мать – дочери»?
3. Если являются таковой группой, то каков наиболее вероятный регион происхождения матери?

В ходе проведения остеологической экспертизы среди останков четырех индивидов был выделен скелет женщины 45–50 лет, который сразу же стал рассматриваться как принадлежащий Марии – жене Всеволода Юрьевича. На это указывали пол и возраст.

Согласно Лаврентьевской летописи, Мария умерла 19 марта 1206 г. Ее автор донес до нас подробное описание ее похорон в Княгинином монастыре: «Того ж месяца въ 19 день, святого отца Фомы, патриарха Костянтина града. Преставися благоверная великая княгыни Всеволожая именем Мария, бывши въ мнишьскомъ чину 18 днии и положена бысть в манастири своемъ в церкви святыя Богородица, юже созда... и погребоша ю с рыданием и плачем великим. Ту сущю над нею князю великому и з детми своими, и епископъ, и игумени, и черныци, и черницы, и множество народу. И епископу Смоленскому и игумену Михаилу Отрочьего монастыря, в то время пришедшема има к великому князю Всеволоду, молится о мире от Мстислава, свата его. Си же блаженная княгыни лежа в немощи 7 лет»¹⁰.

С определением даты рождения Марии обстоит гораздо сложнее, поскольку точное время ее появления на свет неизвестно. Его можно определить лишь приблизительно, исходя из прямых и косвенных свидетельств, которые приходится собирать историку буквально по крупинкам.

Одним из таких показателей является время рождения ее мужа. Будущий супруг Марии, Всеволод, был младшим сыном основателя Москвы – князя Юрия Долгорукого – и, согласно позднему летописному известию, родился 19 октября 1154 г., когда князь находился в полюдье на реке Яхроме. В честь рождения сына он заложил город Дмитров¹¹, названный так по его крестильному имени – в честь святого Дмитрия Солунского. Это было отражением тогдашнего обычая, когда князья в XII в. имели два имени – крестильное, дававшееся при крещении, и княжеское, использовавшееся в быту.

Поскольку в Древней Руси жены обычно были несколько моложе своих мужей, данный факт позволяет говорить, что Мария появилась на свет чуть позже супруга. По наблюдениям известного исследователя истории церкви А.В. Назаренко, «зафиксированный византийским каноническим правом минимальный брачный возраст – 15 лет для юношей и 12 лет для девушек... который, насколько можно судить, соблюдался и на Руси»¹². Это подтверждает и Послание митрополита Фотия новгородскому архиепископу Иоанну начала XV в.: «А еще бы есте не венчали девицок менши дванадцати лет, но венчайте, как на третьенатцатое лето поступит»¹³.

Исходя из этого, можно предположить, что Всеволод женился на Марии не ранее 1169 г. (когда ему исполнилось 15 лет). Марии в этот момент могло быть уже 12 лет, и, следовательно, датой ее рождения мог быть 1157 г. Этой гипотезе не противоречит первое, хотя и косвенное, упоминание Марии летописцами. В ходе борьбы за Владимирское великое княжение после смерти Андрея Боголюбского при помощи черниговского князя Святослава Всеволодовича победу одержали два младших сына Юрия Долгорукого – Михаил и Всеволод Юрьевичи: Михаил стал владимирским князем, власть которого признали Суздаль и Ростов, а Всеволод получил в княжение Переславль-Залесский.

После этого в конце июня 1175 г. Михаил и Всеволод вызвали из Чернигова свои семьи к себе в Северо-Восточную Русь. Из Чернигова до Москвы, в ту пору небольшого пограничного городка Владимиро-Суздальской земли, княгинь сопровождал с дружиной сын черниговского князя Олег Святославич. Об этом мы узнаем из свидетельства Ипатьевской летописи: «В лето 6684... Михалко и Всеволод поехаста в Володимер... и потом посла Святослав жены их Михалкову и Всеволожую, приставя к ним сына своего Олега проводить е до Москве. Олегъ же проводивъ и възвратися во свою волость...»¹⁴. Как видим, к 1175 г. Всеволод, будучи в

¹⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 424–425.

¹¹ ПСРЛ. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 198.

¹² Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 526–527.

¹³ Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М., 2008. С. 511.

¹⁴ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 602. По мнению А.Н. Насонова, первое косвенное упоминание о Марии восходит к рассказу черниговского летописца (Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII в. М.,

возрасте 21 года, был уже женат. Марии к тому времени могло исполниться 18 лет. Тем самым на момент кончины ей должно было быть 49 лет, что полностью соответствует выявленному биологическому возрасту останков индивида № 1.

В пользу того, что эти останки принадлежат Марии, свидетельствовала и проведенная остеологическая экспертиза, показавшая у индивида № 1 наличие множественных артрозов суставов конечностей, прежде всего артрозов и коксартрозов тазобедренных и коленных суставов. Широко известно, что артрозы и формирующиеся вследствие этого артриты – воспалительные процессы, еще более стимулирующие формирование артрозов, – проявляются в сильных болях, опухании и отекании ног. Коксартроз значительно изменяет походку человека, формируя движение «вперевалочку», существенно ограничивает подвижность в целом. Данный факт полностью подтверждался известием летописца, что последние 7 лет жизни Мария «лежа в немощи»¹⁵.

Есть серьезные основания полагать, что признаки имевшегося хронического заболевания – артроза – стали последствием многочисленных родов. Это подтверждает и наличие других признаков, характерных для много рожавшей женщины, – выраженные гипопластические изменения эмали коронок всех зубов.

Но если № 1 – это Мария, то кем тогда являются № 2 (женщина в возрасте около 25–30 лет) и № 3 (девочка в возрасте около 9 лет)?

Лаврентьевская летопись под 1201 г. сохранила известие о смерти жены князя Ярослава Владимировича и одновременно сестры Марии и «свести» (свояченицы) Всеволода Большое Гнездо и ее захоронении в Княгинином монастыре: «Месяца декабря въ 24 день на память святое мученицы Евгеньи наоутрия преставися княгыни Ярославля светь великого князя Всеволода и положена бысть в церкви святое Богородици в монастыре сестрине»¹⁶. Там же была захоронена в 1205 г. и дочь Марии – Елена: «Того же месяца [декабря] въ 30 на память святого апостола Тимона преставися великаго князя Всеволода дщи именемъ Елена и положена бысть в церкви святая Богородица в монастыри юже бе создала великая княгини и блаженная Всеволожа»¹⁷.

Как уже отмечалось, при проведении исследований останков индивида № 2 было установлено, что они принадлежат женщине в возрасте около 25–30 лет, или, иными словами, моложе Марии примерно на 20 лет. К сожалению, нам не известна дата рождения сестры Марии, хотя вполне можно допустить разницу в возрасте между сестрами в 15 и даже в 20 лет.

Что касается индивида № 3 (девочки в возрасте около 9 лет), то ее вполне можно было соотнести с дочерью Марии Еленой. Правда, точно утверждать это невозможно, поскольку летописцы помещали в основном известия о рождении княжеских сыновей, как правило, игнорируя дочерей.

За данную идентификацию индивидов № 2 и 3 свидетельствовали и сообщения Лаврентьевской летописи о захоронении в Княгинином монастыре сестры и дочери Марии.

Следующим этапом экспертизы стало привлечение методов краниотригонометрии (угловой морфометрии черепа). Толчком для нее послужило предположение, что с ее помощью имеется возможность определить родственные связи людей, останки которых обнаруживаются во время археологических раскопок. Оно исходило из того, что родичи, как правило, имеют схожие внешние черты. Самым известным примером подобных семейных черт внешности, вошедшим во все учебники, являются испанские Габсбурги, отличительной чертой которых

1969. С. 147).

¹⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 424–425.

¹⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 416–417.

¹⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 421.

была гипертрофированная нижняя челюсть и выдающаяся, слегка отвисшая «габсбургская» нижняя губа.

В антропологии эти методы впервые появились в конце XIX в. благодаря работам А. Лиссауэра и П. Топинара¹⁸. Уже в XX в. антропологами Г. Клаачем, Х. Имбеллони и Р.Г. Фритотом они совершенствуются¹⁹. В отечественной науке использование подобных методик связано с именами В.В. Бунака, И.И. Гохмана, М.И. Урысона, Ю.Д. Беневоленской, И.М. Пинчуковой²⁰. Практика показала успешность их применения для определения родства. В частности, благодаря им удалось доказать родство между двумя захороненными детьми в палеолитической стоянке Сунгирь, что затем было подтверждено при исследовании ДНК из костных останков этих индивидов²¹. Данный метод применялся и в исследовании останков последнего российского императора Николая II и членов его семьи²².

При экспертизе останков, обнаруженных в аркосолии Успенского собора Княгинина монастыря (двух черепов взрослых – индивиды № 1 и 2, и черепа ребенка – индивид № 3), был сделан вывод о близком родстве индивидов № 1 и 3, у которых наблюдается наибольшее сходство в форме лицевого скелета. В частности, у индивидов № 1 и 3 были выявлены совпадения в форме корневой части носовых костей и в наличии метопического шва в области носовой части лобной кости.

У индивидов № 2 и 3 обнаружили совпадения в форме носовых костей во фронтальной позиции, в общей форме носового отверстия и в наличии у нижнего его края полулунных ямок. Оказалось, что у индивидов № 2 и 3 имеется также совпадение в форме профильного контура носовых костей.

Все это позволило говорить о том, что индивиды № 1, 2 и 3 представляют собой группу кровных родственников. Но имеет ли она отношение к Марии? Убедиться в этом позволил тот факт, что в Успенском соборе Владимира покоятся мощи сына Марии – великого князя Георгия (Юрия) Всеволодовича. При сравнительном анатомо-морфологическом исследовании лицевых отделов черепов № 1, 2, 3 и лицевого отдела черепа Георгия был выявлен ряд совпадающих признаков. В частности, у Георгия и индивида № 3 имелись совпадения в форме и заостренности верхних краев глазниц и в наличии у нижнего края носового отверстия полулунных ямок.

Перечисленные совпадения дали возможность утверждать, что осенью 2015 г. в аркосолии Успенского собора были обнаружены останки женщин (индивиды № 1, 2 и 3), являющихся родственной группой и находящихся в родстве с сыном Марии – великим князем Георгием Всеволодовичем.

¹⁸ Lissauer A. Untersuchungen uber die sagittale Krümmung des Schädels bei den Anthropoiden und den verschiedenen Menschenrassen // Arch. Anthropol. Vol. 15. 1885. P. 9–120; Topinard P. Elements D'Anthropologie Generale. Paris, 1885; Topinard P. Anthropologia // Historia Natural. Vol. 1. Barcelona, 1894. P. 208–225.

¹⁹ Klaatsch H. Kraniomorphologie und Kraniotrigonometrie // Arch. Anthropol. T. 8. N.F., 1909. P. 34–49; Imbelloni J. Introduccion a Nuevos Estudios de Craneotrigonometria // Anales del Musco Nacional de Historia Natural de Buenos Aires. Vol. XXXI. Buenos Aires, 1921. P. 31–94; Fritot R.H. Craneotrigonometria. La Habana, 1964.

²⁰ Бунак В.В. Лицевой скелет и факторы, определяющие вариации его строения // Труды Института этнографии АН СССР (нов. сер.). Т. L. Антропологический сборник II. М., 1960. С. 84–152; Гохман И.И. Новая методика вычисления средних контуров краниологических серий // Советская этнография. 1962. № 2. С. 125–130; Урысон М.И. Соотносительная изменчивость компонентов сагиттального свода черепа у современного и ископаемого человека // Вопросы антропологии. Вып. 34. М., 1970. С. 76–85; Он же. Изменчивость и пропорции компонентов сагиттального свода черепа у современного и ископаемого человека // Новейшая тектоника, новейшие отложения и человек. Т. 3. М., 1972. С. 187–199; Беневоленская Ю.Д. Проблемы этнической краниологии. Л., 1976; Пинчукова И.М. Опыт исследования краниологических серий методом краниотригонометрии // Вопросы антропологии. Вып. 70. М., 1982. С. 108–120.

²¹ Васильев С.В. Краниотригонометрия черепов из погребения 2 // Homo sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М., 2000. С. 249–251.

²² Васильев С.В., Галеев Р.М. Угловая морфометрия черепов членов семьи императора Николая II и близкой прислуги // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2014. № 2. С. 80–87.

На основании анализа этих данных эксперты пришли к предварительному выводу, что в октябре 2015 г. были обнаружены останки самой Марии, ее сестры и дочери, которые, согласно Лаврентьевской летописи, были захоронены в Княгинином монастыре.

Однако результаты следующей экспертизы полностью перечеркнули выводы предыдущей. В последнее время широкое распространение получили методы ДНК-исследований. Предметом их изучения являются своего рода «биологические документы», которые не могут быть утеряны, – это ДНК человека, точнее, та ее часть, которая передается неизменной от отца к сыну по прямой мужской линии – Y-хромосома. ДНК-тест Y-хромосомы позволяет, к примеру, определить для двоих мужчин, имеют ли они общего предка по мужской линии или нет.

Подобная методика активно используется в генетических исследованиях, в частности, для установления отцовства. Правда, при этом оно обычно указывается с точностью 99,9 процента. Подобная погрешность связана с тем, что, хотя и редко (примерно каждые 500 поколений, т. е. раз в 10 тыс. лет), наблюдаются естественные случаи, называемые мутациями, когда при рождении сына ДНК отца копируется неверно. Для генетиков они крайне важны, поскольку, зная приблизительную частоту их возникновения, можно высчитать примерное время, когда жил последний общий предок. Большое количество мутаций говорит о более отдаленном родстве или его отсутствии.

Образцы останков, обнаруженных в Княгинином монастыре, были направлены в лабораторию ДНК-идентификации Министерства юстиции США. Их исследование, проведенное Одиль Лореил (Odile Loreille), ведущим специалистом указанной лаборатории, заняло более трех месяцев и продолжалось с декабря 2016 г. по март 2017 г.

Следует сказать, что подобные исследования крайне редки, поскольку сопряжены с огромными техническими трудностями, ибо необходимо отделить древнюю ДНК от многовековых органических наслоений, с которыми она контактировала. При этом более 90 процентов времени нужно тратить на поддержание стерильности помещения. В мире существует всего несколько лабораторий, способных проводить подобные исследования. Именно этим объяснялся данный выбор для проведения экспертизы и столь долгий срок ее проведения.

В ходе исследования выяснилось, что митохондриальная (mtDNA) последовательность, полученная при исследовании останков № 3, идентична последовательности, полученной при исследовании останков № 1, и принадлежит гаплогруппе U4b1a4. Это позволило констатировать, что останки № 1 и 3 состоят в родстве по материнской линии. Что касается останков № 2, в них была обнаружена совершенно отличная от останков № 1 mtDNA-последовательность (гаплогруппа M10a1a1b1), и, следовательно, нельзя говорить о родстве № 2 по отношению к № 1 и 3. Тем самым результаты исследования ДНК вошли в противоречие с данными анатомо-морфологического сравнения черепов и результатов, полученных с помощью краниотригонометрии²³.

Результаты ДНК-экспертизы заставили поставить вопрос: действительно ли в октябре 2015 г. было обнаружено погребение Марии? Определенные сомнения в этом вызывало изучение архитектурной истории Успенского собора Княгинина монастыря.

Известно, что он был возведен на рубеже XII–XIII вв. Под 1200 г. Лаврентьевская летопись отметила: «Того же лета, месяца июлия в 15 на память святого мученика Кюрика и Улиты заложи благоверный князь великий Всеволод Гюргевич церковь камену во имя святое Богородицы Успения в монастыри Княгинине при блаженном епископе Иоане»²⁴.

Но уже в первое столетие своего существования монастырю был нанесен серьезный ущерб, когда в XIII в. Владимир дважды разорился при нашествии Батыя в 1238 г. и Дюденя в 1293 г. Однако поистине катастрофичным для собора стало внезапное нападение на Владимир

²³ См.: Великая княгиня Владимирская Мария Ясыня в русской истории. М.; Владикавказ, 2019. С. 181–215.

²⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 415.

рати нижегородско-суздальского великого князя Даниила Борисовича и ордынского царевича Талыча в 1410 г., когда город, включая монастырские постройки и храмы, был почти полностью разрушен и сожжен; жар был такой, что колокола растопились от пожара²⁵.

Все это привело к тому, что свод Успенского собора обрушился. И лишь в начале XVI в. Княгинин монастырь возрождается вновь. Об этом свидетельствует то, что по грамоте 1512 г. великого князя Василия III он считался «новым»²⁶.

Вместо полуразрушенного храма начала XIII в. в обители был возведен каменный Успенский собор, сохранившийся до настоящего времени. К сожалению, среди исследователей нет единства мнений по поводу времени возведения современного собора в Княгинином монастыре.

Для нас важно то, что эта перестройка собора могла привести к утрате погребения Марии. Подобные взгляды уже высказывались специалистами. В частности, В.В. Долгов отмечал, что «монастырский храм построен в XV в. на месте прежнего, разоренного в годы монголо-татарского нашествия», и задавался вопросом: «Велика ли вероятность, что могилы могли уцелеть?»²⁷

Сомнения еще более усиливаются, если вспомнить, что, согласно летописным сообщениям, Мария была похоронена в каменном гробу. Так, в Летописце Переяславля Суздальского читаем о подробностях погребения: «...оправив тело ея, вложиша ю въ гробъ камень и положиша ю у церкви святыя Богородица въ монастыри, юже бе сама създа и украсила иконами и писаниемъ всю црковь...»²⁸ Между тем в октябре 2015 г. фрагментов каменных погребальных сооружений – саркофагов – в аркосолии обнаружено не было.

²⁵ ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М., 2004. С. 240.

²⁶ В грамоте 1557 г. Ивана IV монастырь также именуется «новым» и лишь к середине XVII в. обитель утрачивает это название.

²⁷ Долгов В.В. Биография Александра Невского в зеркале «исторического нарратива» // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 5. К 80-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 2016. С. 195.

²⁸ ПСРЛ. Т. XLI. Летописец Переяславля-Суздальского (Летописец русских царей). М., 1995. С. 127. Л. 537 об. Ср.: Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 302 (2-й пагинации).

Трудности датировки событий семейной жизни Марии

Все это заставило начать наше исследование заново. При этом в ходе работы зачастую пришлось ломать сложившиеся в исторической науке стереотипы и шаблонные воззрения.

Для начала обратимся непосредственно к биографии Марии. Известно, что жизнь любого человека определяется двумя датами – рождения и смерти. Когда родилась Мария – эти сведения растворились в реке времени, что, впрочем, неудивительно – не каждый может предугадать судьбу новорожденного ребенка. Однако не заметить кончины супруги великого владимирского князя, сильнейшего на тот момент на Руси, летописцы по определению просто не могли.

Но здесь историк сталкивается с первой трудностью. Лаврентьевская летопись, где содержится подробный рассказ о последних днях Марии, ее похоронах, датирует ее смерть 19 марта 1206 г.²⁹ В то же время Новгородская первая летопись, помещающая очень краткое известие о смерти супруги Всеволода, относит это событие к 1205 г.³⁰ Подобные разногласия вызывают у читателя недоуменные вопросы: кто из летописцев прав? когда же Мария скончалась – весной 1205 или 1206 г.?

Оказалось, что случай с разными датировками кончины Марии – не единственный в русском летописании. При изучении летописей исследователи заметили, что датировка одних и тех же событий в разных летописных сводах зачастую может отличаться на один-два года. Это особенно характерно для наиболее ранних летописей – Лаврентьевской, Ипатьевской, Новгородской первой.

В начале XX в. специалист в области хронологии Н.В. Степанов (1857–1914) предположил, что указанные расхождения в датировках – не ошибки, а следствие использования двух различных календарных стилей. Если византийский календарь отсчитывал год с 1 сентября, то на Руси даже после принятия христианства сохранялось существовавшее еще в пору язычества начало года с марта.

Полагают, что подобная ситуация продолжалась примерно до конца XIV в., когда на Руси происходит постепенный переход с мартовского счисления на сентябрьское, просуществовавшее вплоть до эпохи Петра I. Именно от этого времени до нас дошли древнейшие летописные своды. Как известно, Лаврентьевская летопись сохранилась в списке последней четверти XIV в., Ипатьевская датируется концом 1420-х гг. При их создании летописцы, несомненно, должны были учитывать переход с одного календарного стиля на другой. Но в целом ряде случаев это было сделано не без ошибок.

При переводе дат на другой календарный стиль возможны только два варианта: мартовский год по отношению к сентябрьскому с тем же порядковым номером может начинаться или на полгода позже сентябрьского, или на полгода раньше. Поэтому Н.В. Степанов предложил мартовский год, начинающийся на полгода позже сентябрьского, назвать *мартовским*, а тот, который начинался на полгода раньше сентябрьского, – *ультрамартовским* (от лат. ultra – по ту сторону). Тем самым вполне удовлетворительно объяснялась небольшая (в один-два года) хронологическая разница в описании одних и тех же событий различными летописями.

Позднее эту тематику развил Н.Г. Бережков (1886–1956), предпринявший попытку научного обоснования датировок летописных событий. В своей работе «Хронология русского летописания» он проанализировал Лаврентьевскую, Ипатьевскую и Новгородскую первую летописи и на их основе дал хронологическую «привязку» всех упоминаемых в них событий.

²⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 424.

³⁰ ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 246.

Изданная посмертно книга Н.Г. Бережкова быстро получила признание большинства исследователей Древней Руси и стала хрестоматийной³¹.

Но правы ли историки, принимающие построения Н.Г. Бережкова как истину в последней инстанции? При тщательном изучении выясняется, что многие из них носят искусственный характер.

Поясним это на конкретном примере. Как известно, Лаврентьевская летопись состоит из отдельных частей: сразу после «Повести временных лет» в ней идет текст с преимущественно южнорусскими известиями (1110–1161 гг.), а после двухлетней лакуны (1162 и 1163 гг.) начинается летопись преимущественно с известиями Владимиро-Суздальской земли. Казалось бы, именно в соответствии с этим делением и должно проходить в летописи чередование календарных стилей.

Но, на взгляд Н.Г. Бережкова, чередование стилей в Лаврентьевской летописи никак не связано с общепринятым ее делением на отдельные части. Если взять события за XII в., то в Лаврентьевской летописи они распределяются следующим образом: годы 1110–1113, 1117–1118, 1133–1137 ультрамартовские; 1115–1170 в целом мартовские; 1170–1205 в целом ультрамартовские, но 1178, 1180 мартовские. Более того, чтобы хоть как-то «втиснуть» летописную хронологию в свою схему, исследователю, помимо мартовских и ультрамартовских лет, пришлось включить в нее искусственные годы «ниже мартовских»³².

Подобная конструкция в чем-то напоминает созданную во II в. н. э. Птолемеем геоцентрическую модель мира. Полагая, что центром Солнечной системы является Земля, для объяснения видимых неравномерных движений небесных светил (с попятными движениями планет) он представил их в виде комбинации нескольких равномерных движений по окружностям (эпициклы, деференты, экванты). И только в XVI в. Николай Коперник смог дать настоящую картину механики звездного неба.

Проиллюстрируем ошибочность построений Н.Г. Бережкова анализом датировок событий семейной жизни Марии. Легко убедиться, что Лаврентьевская и Ипатьевская летописи датируют их по-разному. Так, Лаврентьевская летопись датирует рождение сына Марии Владимира 1194 г., а Ипатьевская летопись относит его к 1192 г.³³ Ту же временную разницу видим в датах событий, случившихся в семье Марии в один и тот же год: замужество дочери Верхуславы и рождение сына Юрия (будущего героя битвы на реке Сить). Лаврентьевская летопись рассказывает о них под 1189 г., а Ипатьевская – под 1187 г.³⁴ Количество подобных примеров можно продолжить.

Н.Г. Бережков, стремясь выяснить хронологию этих событий, попытался датировать их соответственно 1188 и 1193 гг.³⁵ При этом у него оказалось, что составители летописей (как во Владимиро-Суздальской земле, так и в Киеве) при переводе дат ошиблись в прямо противоположные стороны, причем, что самое главное, одновременно. Внимательный читатель, следуя формальной логике, может предположить, что на Руси в конце XII в. в употреблении одновременно бытовали два календарных стиля: в Южной Руси – мартовский, а в Северо-Восточной – ультрамартовский. Но в это поверить весьма сложно.

Ошибка Н.Г. Бережкова заключается в непонимании самого характера летописания. Как создавались летописи? В сознании наших современников это выглядит примерно следующим образом: где-то в княжеских или монастырских покоях сидел летописец, составлявший годо-

³¹ Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

³² Так, по подсчетам Н.Г. Бережкова, в Лаврентьевской летописи за 1110–1304 гг. содержатся 101 мартовский год, 90 ультрамартовских, 4 года ниже мартовских.

³³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 411–412; Т. II. Стб. 674–675.

³⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 407, 408; Т. II. Стб. 658, 659.

³⁵ Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 83, 203–204, 315.

вые хроники современных ему событий. Впоследствии они стали основой для летописных сводов.

Однако подобная картина весьма далека от реальности. В действительности летописи зачастую составлялись «задним числом», много позже описываемых в них событий, а временной промежуток мог измеряться даже не годами, а целыми десятилетиями. Так, Лаврентьевская летопись, законченная в 1377 г., была составлена на основе Владимирского свода 1305 г. Но откуда летописец брал недостающие сведения о более поздних событиях? Если вспомнить, что свод, предшествующий Лаврентьевской летописи, создавался при Владимирском великокняжеском дворе, становится понятным, что летописец при его составлении широко использовал отложившиеся в княжеском архиве материалы³⁶.

Применительно к нашей теме это были документы о рождении княжеских детей. Известно, что рождение у монархов детей, и в первую очередь сыновей, было не только личным, но и общественным делом. Об их появлении на свет широко оповещались все подданные. Эта традиция была крайне устойчива и дожила в России вплоть до начала XX в. Таковы были, к примеру, известные по источникам грамоты русских царей, а затем манифесты российских императоров о рождении у них детей. Они рассылались по всем городам страны.

Сохранилась, к примеру, грамота царя Алексея Михайловича от 1 июня 1661 г., направленная пермскому и соликамскому воеводе С.П. Наумову: «В нынешнем во 169 году мая в 30 день за молитвы святых отец Бог простил царицу нашу и великую княгиню Марью Ильиничну; а родила нам сына царевича и великого князя Феодора Алексеевича всея Великия и Малыя России, а именины ему июня 8 числа. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б велел собрать в съезжую избу всяких чинов служилых людей, и нашу великого государя радость им сказать»³⁷. Одновременно из Москвы духовными властями отправлялись «богомольные грамоты», которые зачитывались публично в церквях, после чего в храмах совершались благодарственные молебны. С этого момента имя новорожденного должно было поминаться во время церковных служб наряду с именами остальных членов царской семьи.

Подобная практика продолжилась и в XIX в. Манифест 1827 г. о рождении у Николая I второго сына сообщал: «Объявляем всем верным нашим подданным, что в 9-й день сего сентября любезнейшая наша супруга, государыня императрица Александра Федоровна, разрешилась от бремени рождением нам сына, нареченного Константином». Этот же документ официально провозглашал младенца «высочеством», тем самым встраивая его в фамильную иерархию династии³⁸.

Судя по всему, подобные извещения подданным выпускались от имени князей и несколькими столетиями раньше. При этом можно полагать, что, в отличие от более позднего времени, они издавались только по случаю рождения сыновей. Об этом говорит тот примечательный факт, что в Лаврентьевской летописи имеются известия о рождении семи из восьми сыновей

³⁶ В литературе встречается утверждение, что Лаврентьевская летопись была составлена в основанном Всеволодом Владимирском Рождественском монастыре, поскольку вплоть до начала XVIII в. она хранилась в указанной обители. Затем летопись попала в книжное собрание Новгородского Софийского собора, откуда в 1791 г. была отправлена в Москву и перешла к обер-прокурору Синода А.И. Мусину-Пушкину, известному открытием «Слова о полку Игореве». Позднее тот преподнес летопись императору Александру I, который в 1811 г. передал ее в Публичную библиотеку (сейчас Российская национальная библиотека) в Санкт-Петербурге, где она находится и поныне. Более распространена версия о создании летописи в Нижнем Новгороде. На это указывают заключительные строки памятника, где говорится, что монах Лаврентий закончил свою работу весной 1377 г. при великом князе Дмитрие Константиновиче Суздальском и епископе Дионисии (см.: Кloss Б.М. Лаврентьевская летопись // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник. СПб., 2003. С. 23–26).

³⁷ Берх В.Н. Древние государственные грамоты, наказные памяти и челобитные, собранные в Пермской губернии. СПб., 1821. С. 95.

³⁸ Полное собрание законов Российской империи. 2-е изд. Т. 2 (1827). СПб., 1830. № 1368. 9 сентября.

Марии³⁹. В то же время сообщения о появлении на свет княжеских дочерей в ней отсутствуют, хотя по другим источникам известно о четырех дочерях княгини.

Судя по Лаврентьевской летописи, в XII в. формуляр подобных извещений был довольно устойчивым и содержал следующие сведения: имя отца, дату рождения сына, приходившуюся на этот день церковную память того или иного святого, крестильное имя ребенка. Так, под 1194 г. читаем: «Того же лета родися оу благовернаго и христолюбиваго князя Всеволода, сына Гюргева, внука Володимеря Мономаха, сынъ, месяца октября въ 25, на память святого Маркиана и Мартурья, в канунъ святого Дмитрия, и наречень бысть в святемъ крещеньи Дмитрий»⁴⁰.

Но подобные извещения являлись не единственным источником для летописца в известиях о рождении княжеских детей. Это хорошо видно, если сравнить с предыдущим сообщением о рождении Дмитрия в Ипатьевской летописи. Нетрудно заметить, что последняя по сравнению с Лаврентьевской содержит дополнительную информацию. Выясняется, что помимо крестильного ребенок имел и «княжее» имя, которое было дано в честь его деда Владимира Мономаха, а сам он появился на свет ранним утром: «Того же лета оу великого князя Всеволода родися сынъ, до заутрення святого Дмитрея дне, и именины же тогда бяхоуть; Всеволодь же vele оучинити сынови своему во свое имя Дмитрей въ святемъ крещении, а княжее имя учини ему Володимеръ, деда своего имя Мономаха Володимера»⁴¹.

Аналогичную ситуацию видим в известии о рождении четвертого сына Марии – Юрия (Георгия). В Лаврентьевской летописи его рождение отнесено к 1189 г., но ни число, ни месяц его рождения не указаны (это можно объяснить тем, что у летописца оказался в руках ветхий экземпляр подобного извещения): «Родися оу Всеволода сынъ и нарекоша и въ святомъ крещеньи Георгий». В Ипатьевской летописи эта запись помещена под 1187 г. и достаточно подробна: «Тое же осени родися сынъ у великаго князя Всеволода в Соуждали, во Филипово говение, месяца ноября во 26 день, на освящение церкви моученика Георгия, и vele отецъ его Всеволодь епископу Луце нареши имя емоу Юрьи, дедне имя; и бысть радость велика в Суждальской земле во всей»⁴².

Историки колебались при определении года рождения Юрия Всеволодовича. Самый авторитетный из дореволюционных «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» указывал, что князь родился или в 1187 г., либо 1189 г. А.В. Экземплярский, автор соответствующей статьи, не мог выбрать между показаниями двух одинаково авторитетных источников – Ипатьевской (1187 г.) и Лаврентьевской (1189 г.) летописей⁴³. Также на два возможных года появления Юрия на свет указывало второе издание «Большой советской энциклопедии»⁴⁴.

У Н.Г. Бережкова год рождения Юрия в датировке Ипатьевской летописи вызвал сомнения, ибо, согласно Лаврентьевской летописи, именно в 1187 г. у Марии родился третий сын Борис. Поэтому он предпочел говорить о 26 ноября 1188 г. Данный довод показался настолько убедительным В.А. Кучкину, автору соответствующей статьи из «Советской исторической

³⁹ Отсутствуют сведения о рождении скончавшегося в младенчестве Глеба. Но в свое время еще В.Н. Татищевым было высказано предположение, что он мог быть близнецом другого сына Всеволода – Бориса, известие о рождении которого в Лаврентьевской летописи имеется.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 411–412. Есть основания полагать, что указанные документы составлялись в соответствии с определенными правилами: они выпускались только по поводу рождения великокняжеских сыновей и первенцев в боковых ветвях княжеского дома. Именно этим обстоятельством объясняется то, что в летописи были отмечены факты рождения лишь двух из девяти внуков Марии – детей Ярослава Всеволодовича: первенца Федора и последнего – Василия, который родился уже после того, как Ярослав вследствие гибели братьев во время Батыева нашествия стал великим князем.

⁴¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 674–675.

⁴² ПСРЛ. Т. I. Стб. 408; Т. II. Стб. 659.

⁴³ Энциклопедический словарь // Издатели: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. 15. Гальберг – Германей. СПб., 1892. С. 423.

⁴⁴ Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 49. М., 1957. С. 413. В первом издании БСЭ соответствующей статьи нет, как и в выходившем одновременно с ним «Словаре» Гранат.

энциклопедии», что с его легкой руки, сразу после выхода книги Н.Г. Бережкова, эта дата перекечевала во все последующие энциклопедии⁴⁵.

Чтобы разобраться в хронологических «неувязках» двух летописных сводов, необходимо ответить на вопрос: каким образом в Ипатьевской летописи появились излишние сведения, по сравнению с Лаврентьевской? Для начала следует вкратце охарактеризовать Ипатьевскую летопись. Она является памятником южнорусского летописания и разделяется на три основные части: «Повесть временных лет» с продолжением до 1117 г., Киевский свод 1199 г. и Галицко-Волынскую летопись, доводящую описание до 1292 г. При этом создание Киевского свода – центральной части данного памятника – уверенно связывается всеми исследователями с именем князя Рюрика Ростиславича. Для нас важно то, что Рюрик Ростиславич являлся свояком Всеволода Большое Гнездо (его сын Ростислав женился на дочери последнего Верхуславе).

Известна давняя традиция, что монархи, помимо извещения подданных о рождении детей, сообщали об этих событиях родичам и свойственникам. Письма такого рода, как правило, имели более личный характер и содержали такие подробности, каких не могло быть в официальных документах. Судить об этом можно, к примеру, по записке Николая II своей тетке Милице Николаевне, написанной в 1904 г. в день рождения долгожданного наследника: «Дорогая Милица! Не хватает слов, чтобы достаточно благодарить Господа за его великую милость... Все случилось так скоро, что я до сих пор не понимаю, что произошло. Ребенок огромный, с черными волосами и голубыми глазами. Он наречен Алексеем. Господь со всеми вами. Ники»⁴⁶.

Возвращаясь в XII столетие, становится понятным, почему в Ипатьевской летописи содержится «избыток сведений» по сравнению с Лаврентьевской – очевидно, Всеволод и Мария не преминули поделиться информацией о рождении сына со свояком и свекром своей дочери. Подобные записи о событиях в жизни родичей обычно записывались в семейные родословники, примеры которых известны по более позднему времени. Данная традиция, уходящая в далекое прошлое, хорошо знакома генеалогам и в определенной мере сохранилась до сегодняшнего дня: многие записывают дни рождения, свадеб и т. п. своих родственников, чтобы не забыть их поздравить с юбилеем.

Аналогичную ситуацию с «избытком» сведений Ипатьевской летописи по сравнению с Лаврентьевской видим в рассказе о замужестве дочери Марии Верхуславы. Согласно Лаврентьевской летописи, она была выдана замуж в 1189 г. за белгородского и торческого князя Ростислава Рюриковича, старшего сына киевского великого князя Рюрика Ростиславича, соправителя киевского великого князя Святослава Всеволодовича: «Князь великы Всеволодь отда дщерь свою Верхуславу Белугороду за Рюриковича Ростислава, месяца июля в 30 день»⁴⁷.

Ипатьевская летопись, хотя указывает и неверную дату – 1187 г., содержит целый рассказ с любопытными подробностями замужества Верхуславы, отсутствующими в Лаврентьевской. Выясняется, что сразу после Пасхи князь Рюрик послал своего шурина князя Глеба с женой Чюрыной и иными многими боярами с женами в Суздаль к великому князю Всеволоду Юрьевичу просить отдать его дочь Верхуславу за своего сына Ростислава. На Борисов день, т. е. 24 июля, Всеволод и Мария отдали сватам дочь, дав за ней богатое приданое, а сватам подарили богатые дары. Вместо обычного расставания на ближайшем стану, родители проводили Верхуславу до трех станов «и плакася по ней отец и мати, занеже бе мила им и млада соущи осми лет».

⁴⁵ Советская историческая энциклопедия. Т. 16. М., 1976. С. 826; Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 30. М., 1978. С. 413; Православная энциклопедия. Т. XI. М., 2006. С. 88.

⁴⁶ Шеманский А.В. Александрия. Петергоф. Л., 1936. С. 193.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 407. Имеется в виду не современный Белгород, областной центр в России, а Белгород-Киевский, находившийся неподалеку от Киева на реке Ирпень (ныне село Белго родка Киево-Святошинского района). Неподалеку располагался Торческ, с которым связывают городище в 38 км к востоку от Белой Церкви.

Вместе со столь юной невестой ее отец отправил своего сестрича Якова (сына сестры Всеволода Юрьевича) с женой и иных бояр с женами. Свадебный поезд прибыл в Белгород на «Евфросиниев день», т. е. 25 сентября, перед «Богословом» (26 сентября). Именно в этот день состоялось венчание молодых в деревянной церкви Святых Апостолов. Церемонию вел местный епископ Максим. После этого отец жениха устроил грандиозную свадьбу («ака же несть бывала в Роуси», по выражению летописца). На ней присутствовало больше 20 князей. Юная Верхуслава получила от тестя в подарок целый город Брягин. Ее сопровождающие, двоюродный брат Яков с женой и владимирские бояре, удостоились богатых даров, после чего отправились на родину⁴⁸.

Вместе с тем сопоставление двух летописных известий о свадьбе Верхуславы показывает определенные хронологические «неувязки». Согласно Лаврентьевской летописи, Всеволод выдал свою дочь 30 июля. Но Ипатьевская летопись утверждает, что это произошло неделей раньше – 24 июля. Кому же из летописцев в данном случае следует верить?

Оказалось, что правы оба. Для этого необходимо вспомнить, как оформлялись браки в то время. Известно, что венчанию предшествовало составление «сговорной» и «рядной» грамот, в которых определялись условия заключения брака и размеры приданого. О том, что подобные документы были составлены в данном случае, косвенно свидетельствует замечание летописца, что Всеволод дал за ней «многое множество бе-щисла злата и сребра». Далее следовала сама свадьба. При этом существовал обычай, что в случае, если родители жениха и невесты находились в разных городах и не могли по каким-либо причинам встретиться, свадебный пир первоначально устраивался у одной стороны, а затем у второй проводилось венчание и второй свадебный пир. Так, рассказывая о браке внука Марии – знаменитого Александра Невского, летописец замечает: «Венчася в Торопчи, ту кашю чини, а в Новгороде – другую»⁴⁹. «Кашу» (свадебный пир) обычно принято было устраивать у отца невесты. Как напоминание об этом, до сих пор известна поговорка «заварить кашу». Исходя из вышесказанного, следует полагать, что 24 июля между сторонами в Суздале был заключен сговор и определены размеры приданого, а 30 июля со стороны родителей невесты был устроен свадебный пир. 25 сентября в Белгороде Киевском в присутствии жениха состоялась уже сама свадьба.

Окончательно убедиться в том, что составитель Ипатьевской летописи использовал именно семейный родословник, доказывает тот факт, что сразу после рассказа о замужестве Верхуславы в ней помещено известие о выдаче Рюриком Ростиславичем своей дочери Ярославы за Святослава, сына новгород-северского князя Игоря Святосла вича (героя «Слова о полку Игореве»). Далее следует известие о приходе «ис половец» старшего сына Игоря – Владимира – с дочерью половецкого хана Кончака и прижитым с нею дитем, которым Игорь устроил свадьбу. Затем видим сообщение о рождении у Всеволода Большое Гнездо сына Юрия⁵⁰. Поскольку в данных известиях упомянуты люди, так или иначе связанные родством или свойством с Рюриком Ростиславичем, у нас нет сомнения, что перед нами – записи семейного родословника.

Но кому из окружения Рюрика Ростиславича принадлежал семейный родословник, использованный составителем Ипатьевской летописи? Ответ легко найти, если сравнить между собой известия двух летописных сводов о семейной жизни Марии и Всеволода. В отличие от Лаврентьевской летописи Ипатьевская молчит о рождении сыновей Константина и Бориса, свадьбе дочери Всеславы. Все они произошли еще до того, как Всеволод и Рюрик породнились, и поэтому не вошли в семейный родословник. Это однозначно указывает на его принадлеж-

⁴⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 658. Н.Г. Бережков датировал это событие 30 июля 1188 г. (*Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 83, 203–204, 315).

⁴⁹ ПСРЛ. Т. III. С. 77.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 658–659.

ность Верхуславе, дочери Марии. Наше предположение подтверждает и наличие в Ипатьевской летописи известия о рождении дочери Марии Сбыславы, отсутствующее в Лаврентьевской. Под 1179 г. она сообщает: «Того же лета до Дмитрова дни родися оу великого князя Всеволода четвертая дщи, и нарекоша имя во святом крещении Полагья, а княже Сбыслава; и крести ю тетка Олга»⁵¹. Очевидно, она являлась ближней по времени рождения сестрой Верхуславы, и их связывали самые тесные отношения.

Выяснение источника сведений Ипатьевской летописи о событиях семейной жизни Марии позволяет, не прибегая к помощи искусственных построений Н.Г. Бережкова, решить вопрос о хронологических «неувязках» двух важнейших летописных сводов Древней Руси между собой.

Как видим, источником сведений Лаврентьевской летописи явились *официальные* документы, извещения о рождении княжеских сыновей, а в случае с замужеством Верхуславы – рядная и сговорная грамоты (они должны были храниться в княжеском архиве, поскольку в случае возможного развода служили основанием для возврата приданого). Источником для Ипатьевской летописи послужили *частные* документы, в данном случае – семейный родословник Верхуславы. Несмотря на то что он содержит больше частных подробностей, любой исследователь предпочтет при датировке тех или иных событий пользоваться официальными, а не частными документами.

Именно частным характером источника сведений Ипатьевской летописи объясняется временной разрыв в два года между ее известиями и Лаврентьевской летописи. Н.Г. Бережков и его последователи полагали, что он возник из-за сочетания мартовских и ультрамартовских календарных стилей. Но разгадка оказывается гораздо проще. Выяснилось, что составитель Ипатьевской летописи одно и то же событие семейной жизни Марии записал дважды. Под 1182 г. сообщается, что свояченица (сестра жены) великого князя Всеволода была выдана замуж за младшего сына киевского князя Святослава Всеволодовича Мстислава: «Князь кыевський Стославъ Всеволодиць жени 2 сна. За Глеба поя Рюриковноу, а за Мьстислава ясыню из Володимеря Соуждальского Всеволожю свесть, бысть же бракъ велик»⁵². Однако двумя годами ранее тот же источник в статье 1180 г., рассказывая о борьбе Рюрика Ростиславича со Святославом Всеволодовичем за киевский стол, их последующем примирении, помещает известие о том, что Всеволод Большое Гнездо освободил из заключения Глеба, сына Святослава, и выдал за него свою племянницу: «Всеволод же Соуждальский поусти Глеба Святославича из оковъ, прия великою любовь со Святославомъ и сватася с нимъ и да за сына его меншаго свесть свою»⁵³. Тем самым летописец фактически продублировал информацию о браках Святославичей, в результате чего она оказалась разнесенной по двум разным годам. Как следствие этого, возникла разница в два года в датировках последующих событий семейной жизни Марии.

Отсюда вытекает главный вывод – в данном случае следует опираться на Лаврентьевскую летопись, дающую точную хронологию, тогда как Ипатьевская содержит очевидные ошибки в датировке.

Значит ли это, что все построения Н.Г. Бережкова о сочетаниях мартовских и ультрамартовских стилей можно смело отнести к историографическим заблуждениям? У его сторонников оказываются очень серьезные аргументы.

Под 1186 г. Лаврентьевская летопись сообщает о рождении старшего сына Марии Константина: «В то же лето, того же месяца мая въ 18 день, на память святого мученика Потапья,

⁵¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 613. Дмитриев день приходится на 26 октября.

⁵² ПСРЛ. Т. II. Стб. 624–625.

⁵³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 624.

в субботу, родился сын у великого князя Всеволода; и нарекоша имя ему в святомъ крещении Костянтин»⁵⁴. Ипатьевская летопись это событие не отметила.

Н.Г. Бережков, полагая, что в Лаврентьевской летописи статья 6694 г. является ультра-мартовской, утверждал, что в действительности Константин родился годом ранее. Основанием для этого стало то, что подобное сочетание числа и дня недели (суббота 18 мая) соответствует не 1186 г., как утверждает Лаврентьевская летопись, а 1185 г. Перед известием о рождении Константина она помещает сообщение о солнечном затмении в среду 1 мая, а после известия о старшем сыне Марии содержит рассказ о знаменитом, благодаря «Слову о полке Игоре»⁵⁵, походе князя Игоря Святославича на половцев⁵⁵.

Ипатьевской летописи рассказ о походе Игоря известен, но, в отличие от Лаврентьевской, она датирует его 1185 г.⁵⁶ Его датировку именно этим годом подтвердили современные астрономы, доказавшие, что солнечное затмение действительно произошло 1 мая 1185 г.⁵⁷

Значит ли это, что сообщение о рождении Константина, отсутствующее в Ипатьевской летописи, но помещенное в Лаврентьевской между двумя событиями, относящимися к 1185 г., необходимо также датировать этим годом?

Обратимся вновь к нему. Составитель Лаврентьевской летописи указал, что княжич родился на день памяти святого мученика Потопия Египетского (или Фивского). Взяв в руки святцы, можно убедиться, что память святого Потопия отмечается не 18 мая, а 8 декабря, к тому же он не мученик, а преподобный⁵⁸. Причиной ошибки стало то, что автор спутал Потопия с Патрикием, являвшимся как раз именно мучеником и память которого в древних месяцесловах отмечалась именно 18 мая⁵⁹.

Для нас гораздо важнее то, что, в отличие от Древней Руси, ныне память мученика Патрикия Прусского отмечается 19 мая⁶⁰. Для объяснения подобного противоречия следует напомнить, что в Древней Руси в соответствии с ветхозаветными правилами отсчет новых суток начинался предыдущим вечером. Вплоть до начала XVIII в. сутки разбивались на «ночные» и «дневные» часы. Конец дня возвещали особым знаком, что называлось отдачей часов, а с заходом солнца отсчитывался уже новый день. Данный порядок был отменен решением Синода лишь в 1722 г. с заменой прежних часов общеевропейскими, а началом суток сделалась полночь (в 00.00, как сейчас). Реликтом прежнего отсчета времени является то, что и поныне суточный богослужебный круг начинается именно с вечера.

Таким образом, если какое-либо событие произошло вечером, скажем в 21 час, то, с одной стороны, по церковному счету, оно записывалось уже следующим днем, но с другой, по бытовому счету, – датировалось еще предыдущим. Именно это и произошло с рождением Константина. Он появился на свет вечером 18 мая, но уже после начала нового церковного дня, в который, судя по сообщению летописца, и был крещен. Отсюда становится понятным, что составитель Лаврентьевской летописи был прав, когда датировал рождение Константина 1186 г.

Подобная ситуация не являлась чем-то уникальным для Древней Руси. Ее мы видим в случае с датировкой смерти Ярослава Мудрого. Ипатьевская летопись под 6562 (1054) г. сооб-

⁵⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 396–397.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 396–400.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 637–651.

⁵⁷ Каменцева Е.И. Хронология. М., 1967. С. 83–86.

⁵⁸ Сергей (Спасский), архиепископ. Полный месяцеслов Востока. Т. III. Святой Восток. Части вторая и третья. С. 185–187. Следует отметить, что уже автор более поздней Троицкой летописи, использовавший Лаврентьевскую, исправил ошибку – святой назван не Потопием, а Феодотом, чья память как раз отмечалась в этот день (Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. 2-е изд. СПб., 2002. С. 271).

⁵⁹ Лосева О.В. Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001. С. 343.

⁶⁰ Сергей (Спасский), архиепископ. Указ. соч. Т. III. М., 1997. С. 187–188.

щает: «Преставися князь Руский Ярославъ... Ярославу же приспе конецъ житъя и предасть душу свою месяца февраля в 20 в субботу 1 недели поста въ святого Федора день»⁶¹. Однако среди древних граффити Софийского собора в Киеве была обнаружена запись, относящая это событие не к субботе, а к воскресенью: «Въ [лето] 6562 месяца феввари 20 успение царя нашего въ въскресени в... еде... Феодора». В свое время это разногласие породило дискуссию о дате кончины Ярослава Мудрого, пока ее не объяснил Б.А. Рыбаков: Ярослав умер в ночь с субботы на воскресенье, когда по одному счету (бытовому) была еще суббота, а по церковному счету уже воскресенье⁶².

Фиксация внимания летописца на то, что рождение Константина произошло в субботу, не случайна. Согласно ветхозаветному преданию, Господь объявил Моисею, что на протяжении недели «шесть дней можно делать дела, а в седьмой день суббота покоя... никакого дела не делайте». Этот же источник разъясняет, что суббота начинается еще накануне в пятницу, а заканчивается вечером следующего дня (Левит, 23: 3, 32). Таким образом, речь в летописном известии идет о субботе, именно как церковном дне. Что касается отмеченной нами разницы в датах памяти святого мученика Патрикия (18 или 19 мая), она может являться показателем того, что более ранние церковные уставы вели отсчет суток с захода солнца, тогда как поздние перешли к привычному для нас исчислению времени.

Определив точную дату рождения Константина, видим, что утверждение Н.Г. Бережкова об ультрамартовском характере летописной статьи 6694 г. Лаврентьевской летописи ошибочно. Это позволяет сделать вывод, что годовые летописные статьи не являются чем-то единым и цельным, а представляют собой лишь совокупность отдельных известий, отделенных друг от друга трафаретными оборотами «в то же лето», которые летописец в силу известных ему соображений старался «привязать» к тому или иному году.

Это вынужден был косвенно признать и сам Н.Г. Бережков. Анализируя дальнейшие известия годовой статьи 6694 г. Лаврентьевской летописи, помещенные уже после описания похода Игоря, он датировал их все тем же 1185 г. Речь идет о походе «воев» Всеволода Юрьевича на болгар, а затем о злой междукняжеской крамоле в Рязанской земле. При этом исследователь утверждал, что «нет оснований считать эти события не принадлежащими к тому годовому комплексу, которому отведена статья»⁶³. Однако далее он писал: «Между известиями о походе на болгар и о рязанской „крамоле“ читаем: „В се же лето выгнаша новгородци Ярослава Володимерича, а Давыдовича Мъстислава пояша к собе княжить Новугороду: так бо бе их обычай“. По свидетельству Новгородской летописи, Ярослав был удален из Новгорода в 6692 (1184/85) мартовском году и в сентябре этого года был посажен на стол Мстислав. По отношению к этому сообщению Лаврентьевская летопись допускает запаздывание, включает его не в ту статью, в которой ему надлежало бы быть...»⁶⁴

Наши наблюдения позволяют восстановить подлинную хронологию семейной жизни Марии, связанную с рождением ее детей. Первоначально у нее в браке с Всеволодом рождались только дочери. К сожалению, у нас нет данных, когда они родились. Можно лишь предположить, что они появились на свет еще до вокняжения Всеволода на владимирском столе. Лаврентьевская летопись под 1176 г. сообщает, что владимирцы, простившись с умершим братом Всеволода – Михаилом Юрьевичем, княжившим в городе, «целоваша крестъ ко Всеволоду князю брату Михалкову и на детехъ его»⁶⁵.

⁶¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 149–150.

⁶² Рыбаков Б.А. Запись о смерти Ярослава Мудрого // Советская археология. 1959. № 4. С. 244–249.

⁶³ Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 82–83.

⁶⁴ Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 83.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 379–380.

Слова «и на детехъ его» можно рассматривать как первое косвенное свидетельство о детях Марии и Всеволода. Разумеется, его можно оценивать как трафаретную фразу присяги горожан о службе князю и его детям (независимо от того, родились они или появятся в будущем). Во всяком случае, об этом свидетельствует формуляр подобной присяги, сохранившийся в одном из позднейших сборников митрополичьего архива: «А мне, имярек, и детей своих болших к своему государю, к великому князю имярек, привести, и к его детем»⁶⁶. Но, судя по всему, Всеволод к моменту вокняжения на владимирском столе уже имел детей, поскольку в летописную «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» в виде молитвы была включена похвала семье его младшего брата, отомстившего убийцам: «Богу молися помиловати князя нашего и господина Всеволода, своего же приснаго брата да подасть ему победу на противныя, и многа лета съ княгынею и съ благородными детми и мирну державу ему и царство его ныня и присно в бесконечныя веки, аминь»⁶⁷.

Более точно вычислить даты рождения дочерей Марии можно, исходя из дат их замужества. Лаврентьевская летопись под 1187 г. помещает известие о том, что Всеволод и Мария отдали свою дочь Всеславу за черниговского князя Ростислава Ярославича († после 1205), внука великого киевского князя Всеволода Ольговича, княжившего в Снове.

В записи указана точная дата этого события – 11 июля, отмечено, что главное торжество состоялось во Владимире и на нем присутствовало много гостей⁶⁸.

Известно, что Ростислав Ярославич родился на Рождество Иоанна Крестителя – 24 июня 1174 г.⁶⁹ Невеста могла быть стольких же лет или чуть младше. В этом случае она должна была родиться около 1174–1175 гг.

Второй по возрасту дочерью Марии, судя по всему, была Елена, которая, видимо, не вышла замуж из-за какого-то физического дефекта или слабого здоровья. О ней известно лишь то, что она умерла 30 декабря 1205 г. раньше матери и была похоронена в уже основанном той Успенском монастыре⁷⁰. Данный факт позволяет твердо говорить, что среди найденных в октябре 2015 г. в аркосолии Благовещенского придела Успенского собора Княгинина монастыря женских останков Елены не было. Поскольку она родилась где-то в середине 70-х годов XII в. и прожила до 1205 г., принадлежать останки индивида № 3 (девочки в возрасте около 9 лет) ей явно не могли. По биологическому возрасту останков ее можно было бы отождествить с индивидом № 2 (возраст около 25–30 лет), но ДНК-экспертиза показала невозможность ее родства с останками индивида № 1, отождествляемыми с Марией.

Как уже говорилось выше, Лаврентьевская летопись под 1189 г. помещает известие о замужестве еще одной дочери Марии – Верхуслavy⁷¹. Исходя из того, что Ипатьевская летопись добавляет подробность о ее тогдашнем возрасте «осми лет»⁷², можно было бы предположить, что она родилась в 1181 г.

Под 1179 г. Ипатьевская летопись сообщает о рождении у Марии четвертой дочери Сбыслavy, в крещении Пелагеи⁷³. Поскольку тем самым оказывается, что Верхуслava появилась на свет позже Сбыслavy (Пелагеи), которую Ипатьевская летопись называет четвертой дочерью княжеской четы, это дало основание ряду исследователей полагать, что у Марии ранее была еще одна дочь, видимо скончавшаяся в младенчестве⁷⁴.

⁶⁶ Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI в. Ч. 1. М., 1986. № 46. С. 175.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 371.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 405.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 658.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 421.

⁷¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 407.

⁷² ПСРЛ. Т. II. Стб. 658.

⁷³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 613.

⁷⁴ См.: Домбровский Д. Дочери Всеволода Юрьевича Большое Гнездо // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 3

Правда, этому предположению мешают два обстоятельства – как было выяснено выше, источником сведений Ипатьевской летописи о семейной жизни Марии являлся семейный родословник ее дочери Верхуславы, которая прекрасно была осведомлена о числе своих сестер; к тому же ни в одном известном документе нет сведений о существовании еще одной, пятой дочери Марии.

Разгадка оказывается очень простой: Верхуслава являлась третьей по счету дочерью Марии, а всего у нее было четыре дочери. Здесь мы снова сталкиваемся с хронологической ошибкой Ипатьевской летописи. Как уже говорилось выше, она, в отличие от Лаврентьевской, датирует брак Верхуславы 1187 г. С учетом замечания Ипатьевской летописи о восьмилетнем возрасте невесты на момент свадьбы, можно подсчитать, что она должна была родиться в 1179 г. Но именно в этом году Ипатьевская летопись отмечает рождение у Марии младшей дочери Сбыславы. Таким образом выясняется, что Верхуслава родилась ранее 1179 г. и была несколько старше своей сестры Сбыславы. Тем самым снимается вопрос о количестве дочерей у Марии.

К тому же, как уже говорилось, заключение брака в возрасте восьми лет было бы явным нарушением церковных канонов, предусматривавших минимальный брачный возраст для девушек в 12 лет. В этих условиях ни один из священников не согласился бы проводить брачную церемонию, столь явно противоречившую каноническому праву. Как правило, в Древней Руси браки (особенно первые) заключались между супругами примерно одного возраста. Мужу Верхуславы – Ростиславу Рюриковичу – на момент женитьбы было 16 лет⁷⁵. Если предположить, что Верхуславе на тот момент было уже минимально разрешенных 12 лет, то она родилась не ранее 1177 г. и была старше сестры Сбыславы.

В отличие от дочерей Марии даты рождения большинства ее сыновей известны. Как уже было выяснено, старший сын Константин родился 18 мая 1186 г.⁷⁶

По данным Лаврентьевской летописи, еще одним сыном Марии стал Борис, появившийся на свет 2 мая 1187 г. в день поминовения святых Бориса и Глеба. Крещен он был в тот же день и получил имя в честь одного из своих предков⁷⁷. Характерно, что второй княжич, как и первый, получил только христианское имя без княжеского. Но Борис прожил очень недолго. Лаврентьевская летопись сообщает о его смерти без указания даты под 1188 г., а Ипатьевская датирует это событие 1187 г.⁷⁸ Видимо, он стал жертвой эпидемии, о которой летописец писал: «Того же лета бысть болесть силна в людех вельми, не бяше бо ни одиного же двора безъ болнаго, а во ином дворе некому бяше ни воды подати, но вси лежать, боля»⁷⁹.

Можно предположить, что эта эпидемия продлилась вплоть до следующего года. Во всяком случае, под 29 сентября 1189 г. Лаврентьевская летопись сообщает о смерти еще одного сына Марии – Глеба, о рождении которого нет сведений⁸⁰. В свое время автор первого капитального труда по русской истории В.Н. Татищев (1686–1750) выдвинул версию, что Борис и Глеб были близнецами. Но в летописях, использованных историком, таких сведений нет. Судя по всему, эта гипотеза стала плодом рассуждений исследователя, высказанных им в комментариях к своему труду: «Сей Глеб когда родился, не написано, и хотя по имени разумеется, что

(45). С. 45.

⁷⁵ Ипатьевская летопись сообщает о рождении Ростислава на пути его отца из Новгорода в Смоленск под 1173 г. (ПСРЛ. Т. II. Стб. 566, 567).

⁷⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 396–397.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 404.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 406; Т. II. Стб. 653.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 405.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 407.

меньший брат Борису, но как между Борисом и Георгием особно родить время не было, то, знатно, близнецы были с Борисом или в годах рождения ошибеность»⁸¹.

Хотя Мария по меркам Средневековья была уже немолодой женщиной, она продолжала исправно рожать мальчиков. 26 ноября 1189 г. на свет появился еще один сын Марии – Юрий⁸², а 8 февраля 1191 г. родился Ярослав (будущий отец знаменитого Александра Невского), в крещении получивший имя Федор. Ипатьевская летопись о рождении Ярослава молчит. Лаврентьевская по этому поводу дала хотя и краткую, но точную запись с указа нием числа, месяца, года и церковного праздника: «Того же лета родися у благовернаго и христолюбиваго князя Всеволода сын, месяца февраля въ 8 день, на память святаго пророка Захарьи, и нарекоша и въ святемъ крещении Феодоръ, и тогда сущю князю великому в Переяславли в полюдьи»⁸³.

Лаврентьевская летопись сообщает, что 25 октября 1194 г., в канун Дмитриева дня, на свет появился следующий сын Марии – Владимир, получивший при крещении имя Дмитрий⁸⁴.

Еще один княжич родился у Марии 27 марта 1196 г. Это событие зафиксировано только в Лаврентьевской летописи: «В лето 6704, месяца марта въ 27 день, на память святое мученици Матроны, родися оу благовернаго и христолюбиваго великаго князя Всеволода Юргевича сынъ, и наречень бысть въ святомъ крещении Гаврило»⁸⁵. Ипатьевская летопись об этом событии умалчивает. Примечательно, что сведений о его княжеском имени нет. Только из последующих источников узнаем, что его звали Святославом.

В 1198 г. Мария родила своего последнего, восьмого сына князя Ивана Всеволодовича. О появлении его на свет сведения есть в обеих летописях. В Лаврентьевской оно помечено 28 августа 1198 г.: «Того же лета родися сынъ оу благовернаго князя Всеволода Юргевича, месяца августа въ 28 день, на память святаго отца Моисея Ефиопа, и наречень бысть в святомъ крещении Иоанъ»⁸⁶. Ипатьевская летопись ошибочно датирует это событие 1 августа 1197 г.: «Того же лета оу великаго князя оу Всеволода родися сынъ менший, месяца августа въ 1 день, нарекоша имя ему въ святомъ крещении Иоанъ, Зачатия ради Иоана Крестителя; и бысть радость велика въ граде Володимери о роженъи его». При этом в Хлебниковском и Погодинском списках Ипатьевской летописи датой появления княжича на свет названо 8 августа⁸⁷.

В литературе высказывалось мнение, что 1 августа, как дата рождения Ивана, является неверной, поскольку празднество, посвященное Иоанну Крестителю, отмечается 29 августа, т. е. на следующий день после даты рождения Ивана, указанной в Лаврентьевской летописи. Но и здесь возможно иное объяснение. Эти роды стали для Марии серьезным испытанием – известно, что именно после них она тяжело заболела. Можно предположить, что ребенок родился ослабленным, и обряд крещения смогли провести только через четыре недели.

Н.Г. Бережков неверно датировал появление на свет сыновей Марии: Константина – ошибочно 1185 г. (вместо правильного 1186 г.); Бориса – 1186 г. (вместо 1187 г.); Юрия – 1188 г. (вместо 1189 г.); Ярослава – 1190 г. (вместо 1191 г.); Владимира – 1193 г. (вместо 1194 г.); Святослава – 1195 г. (вместо 1196 г.); Ивана – 1197 г. (вместо 1198 г.)⁸⁸.

Подтвердить вывод о достоверности датировок именно Лаврентьевской летописи позволяют летописные известия о постригах детей Марии. Данным термином обозначался обряд первой стрижки волос. Он происходил в церкви с чтением особой молитвы, для чего ребенка

⁸¹ Татищев В.Н. Собрание сочинений. М., 1995. Т. II–III. История Российская. Часть вторая. С. 142 (2-й пагинации); Т. IV. История Российская. Часть вторая. М., 1995. С. 454. Примеч. 402.

⁸² ПСРЛ. Т. I. Стб. 408.

⁸³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 408–409; Т. XVIII. Симеоновская летопись. М., 2007. С. 34.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 411–412.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 412.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 414.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 707.

⁸⁸ Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 82, 83, 85, 203–204, 208–209, 315.

приводил туда его крестный отец. После пострига дети переходили из женских рук в мужские. Как знак этого, мальчика сажали на коня в присутствии епископа, бояр и народа⁸⁹. Указанный обряд совершался, когда княжичу исполнялось 3 года.

Но значение постригов заключалось не только во внешней обрядности, а имело более глубокий смысл – юный княжич объявлялся наследником. Именно это видим на примере старшего сына Марии Константина, когда летописец, рассказывая об освящении соборной церкви во Владимире 15 августа 1189 г., специально подчеркнул, что это происходило «при князе великом Всеволоде и сыне его Костянтине», которому на тот момент исполнилось 3 года: «Того же лета священна бысть церкы сборная пречистая Богородица великим священъемъ блаженнымъ епископомъ Лукою при князи великомъ Всеволоде и сыне его Костянтине и Ярославичи Ростиславе зяти его и бысть радость велика в граде Володимери и священна бысть накануне пречистое Богородицы Оуспенья»⁹⁰.

Указанный Лаврентьевской летописью 1189 г., как дата рождения Юрия, хорошо согласуется с 1192 г., когда прошли «постриги» юного княжича. Запись об этом событии в Лаврентьевской летописи достаточно подробна: «В лето 6700, месяца июля въ 28 день, на память святаго мученика Евъстафья въ Анкюре Галастийстей. Быша постригы оу великаго князя Всеволода, сына Георгева, внука Володимеря Мономаха, сыну его Георгеви, в граде Суждали; того же дни и на конь его всади; и бысть радость велика в граде Суждали, ту сущю блаженному епископу Иоану»⁹¹. Под 1194 г. тот же источник сообщает о «постригах» другого сына Марии – Ярослава: «В лето 6701. Быша постригы оу благовернаго и христолюбивого князя Всеволода, сына Георгева, сыну его Ярославу месяца априля въ 27 день, на память Семеона, сродника Господня при блаженемъ епископе Иоане, и бысть радость велика в граде Володимери»⁹².

Юрий, как мы помним, появился на свет 26 ноября 1189 г., Ярослав – 8 февраля 1191 г. «Постриги» у них прошли соответственно в 2 года и 8 месяцев, 3 года и 2 месяца. Традиция княжеских «постригов» дожила до начала XIV в. Под 1302 г. встречаем в летописи их последнее упоминание: «Того же лета быша постригы у князя Михаила Ярославича Тверскаго сыну его Дмитрею»⁹³. Относительно Дмитрия Тверского мы знаем только годы его рождения и «постригов»: 1299 и 1302 гг. Но и они укладываются в трехлетний возраст проведения данного обряда⁹⁴.

Если же использовать датировки, предложенные Н.Г. Бережковым, подобной привязки «постригов» к трехлетнему возрасту не получается. Все это говорит о том, что предложенные исследователем комбинации мартовских и ультрамартовских календарных стилей являются неверным объяснением временного разрыва в датировке тех или иных событий в различных летописях. С учетом вышесказанного, говоря о датах семейной жизни Марии, необходимо ориентироваться в первую очередь на показания Лаврентьевской летописи, в основу которой были положены официальные документы, отложившиеся во Владимирском великокняжеском архиве.

⁸⁹ См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. II–III. М., 1991. С. 430.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 407.

⁹¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 409.

⁹² ПСРЛ. Т. I. Стб. 411.

⁹³ ПСРЛ. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 174.

⁹⁴ Еще одно известие об этом обряде встречается под 1230 г., когда князь Михаил Черниговский провел в Новгороде «постриги» своего сына Ростислава: «Въ то же лето князь Михаилъ створи пострегы сынове своему Ростиславу Новеороде у святей Софии и уя влас архиепископъ Спиридон; и посади его на столе, а самъ поиде въ Църниговъ» (ПСРЛ. Т. III. С. 69). К сожалению, сказать о возрасте Ростислава на тот момент невозможно, поскольку это первое его упоминание летописцем.

Зачем Всеволод Большое Гнездо воздвиг Дмитриевский собор во Владимире?

В работе следователя нередко бывает так, что помимо главного расследования попутно раскрываются и другие преступления. Не является исключением в этом плане и данное исследование, в ходе которого историку приходится решать и другие вопросы, хотя бы косвенно связанные с основной темой нашего интереса. Так в нашем исследовании появился белокаменный Дмитриевский собор, возведенный Всеволодом Большое Гнездо на княжеском дворе во Владимире и освященный в честь его небесного покровителя – великомученика Димитрия Солунского.

Изображение собора легко найти во всех школьных учебниках по истории. Снаружи стены здания украшает белокаменная резьба, ни с чем на Руси дотоле не сравнимая – как по занимаемой площади, так и по количеству и разнообразию сюжетов: их тут более пятисот. На рельефах храма, помещенных на 1504 белокаменных блоках, изображены библейские пророки, христианские святые, античные герои, реальные и мифические животные, причудливый растительный орнамент. Знаменитый своей резьбой, собор в 1992 г. был включен в список памятников Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Когда был воздвигнут собор? В поисках ответа на этот вопрос искусствоведы обратили внимание на скульптурное изображение в восточной закомаре на северном фасаде собора: в центре – безбородый и безусый муж, сидящий на престоле с юным отроком на коленях, слева и справа – склонившиеся перед ними отроки постарше, по двое с каждой стороны. Было высказано предположение, что на этом рельефе изображен основатель храма князь Всеволод Юрьевич с пятью сыновьями – с младшим на руках, в почтительном окружении других, более взрослых, своих сыновей.

Для Северо-Восточной Руси XII в. строительство каменного храма с его уникальной резьбой являлось делом крайне редким, и нужен был чрезвычайно важный повод для его возведения.

Поэтому исследователи, пытаясь выяснить, что же послужило поводом для возведения храма, обратили внимание на его посвящение святому Димитрию и предположили, что собор был заложен сразу после того, как в семье Всеволода в 1194 г. родился сын Владимир, крещенный Димитрием. Н.Н. Ворониным (1904–1976) было высказано мнение, что это именно он изображен на троне с отцом, а рядом с троном помещены фигуры старших сыновей Всеволода: Константина, Бориса, Юрия и Ярослава. Отсюда логически вытекало, что закладка храма была приурочена к рождению 25 октября 1194 г. у князя Всеволода сына Владимира, в крещении Димитрия⁹⁵.

В пользу данной версии говорило то, что в июне 1193 г. во Владимире случился страшный пожар, во время которого, согласно Лаврентьевской летописи, «города половина погоре, и княж двор», но при этом ничего не говорится о Дмитриевском соборе⁹⁶.

Однако, выдвигая эту версию, Н.Н. Воронин прошел мимо сообщений Лаврентьевской и Ипатьевской летописей о смерти в 1188 г. Бориса (без указания точной даты)⁹⁷. Таким образом, на 1194 г. налицо были четыре сына Всеволода: Константин, Юрий, Ярослав, Владимир (не считая умерших к тому времени Бориса и Глеба). Тем самым указанная версия вступала в явное противоречие с изображением на северном фасаде собора, где помещены фигуры Все-

⁹⁵ Воронин Н.Н. Скульптурный портрет Всеволода III // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. XXXIX. М.; Л., 1951. С. 137–139.

⁹⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 409.

⁹⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 406; Т. II. Стб. 653.

волода и его пяти сыновей. (В скобках заметим, что источником ошибки известного исследователя стало использование им неверной хронологии рождения детей Марии.)

Поэтому, анализируя изображение, следует признать иной порядок показанных на нем лиц. Из восьми сыновей Всеволода отсутствуют: рано скончавшиеся Борис (умер в 1188 г.) и Глеб (умер 29 сентября 1189 г.), а также последний сын Всеволода Иван, родившийся в августе 1198 г., но имеется Святослав-Гавриил, появившийся на свет 27 марта 1196 г.

Это позволяет датировать постройку собора летним строительным сезоном 1196 г., что хорошо согласуется с летописным известием о принесении 10 января 1197 г. во Владимир из Солуня (современные Салоники в Северной Греции) византийской иконы с изображением Дмитрия Солунского. Летописец именует ее «гробной доской»: «Тое же зимы принесена бысть дска ис Селуня гробная святого Дмитрия месяца геньваря в 10 день на память святого отца Григорья Нисьскаго»⁹⁸. Это название дано было не случайно: икона представляла собой образ, написанный на доске от гроба святого, взятой из базилики Святого Дмитрия в Солуни.

Впрочем, изложенная гипотеза стала не единственной. Многих не убедило, что поводом для постройки собора могло стать рождение у Марии 27 марта 1196 г. княжича Святослава, сведений о княжеском имени которого даже не сохранил придворный великокняжеский летописный свод.

Данное обстоятельство привело к тому, что исследователи, единодушно соглашаясь с тем, что главный северный рельеф Дмитриевского собора посвящен прославлению его державного ктитора, стали выдвигать различные версии.

Так, М.С. Гладкая отметила, что «трактовка рельефной композиции северо-восточной закомары как изображения князя Всеволода с сыновьями вызывает сомнения» уже хотя бы тем, что православный муж-средовека изображен безбородым и безусым⁹⁹, и более убедительными считала альтернативные гипотезы.

Согласно одной из них, в образе мужа на троне явлен отнюдь не Всеволод Большое Гнездо: «Всеволода, как младшего из Мономаховичей, надо видеть в юном отроке, посаженном на колени, тем самым возвышенном перед старшими братьями и представленном потенциальным престолонаследником. В тронном же муже, таким образом, следует видеть Андрея Боголюбского»¹⁰⁰. Почему без бороды и усов изваян далеко не юный Андрей, человек, бесспорно, благочестивый, гипотеза не объясняет. Также полагали, что «древнерусская традиция отождествляла Всеволода с ветхозаветным праведным правителем Давидом»¹⁰¹, и «в отроке, сидящем на коленях представителя благословенного рода, следует видеть юного Давида и индифференциально нарек на юного князя Всеволода»¹⁰². Тем самым спор о том, кто же изображен на северном фасаде храма, окончательно зашел в тупик.

Вскоре появилась новая датировка возведения Дмитриевского собора. Т.П. Тимофеева выяснила, что «год постройки Дмитриевского собора указан в Летописце владимирского Успенского собора (известен в составе сборников XVII–XVIII вв., хранившихся в соборе): „В лето 6699-е [1191] великий князь Димитрий Всеволод постави на своем дворе церковь камену во имя великомученика Димитрия и верх ея позлати“»¹⁰³. Поэтому дата 1191 г. представляется более вероятной, причем употребление летописцем владимирского собора слова „постави“

⁹⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 414.

⁹⁹ Гладкая М.С. Рельефы Дмитриевского собора во Владимире. М., 2009. С. 172.

¹⁰⁰ Гладкая М.С. Рельефы Дмитриевского собора во Владимире. М., 2009. С. 167.

¹⁰¹ Гладкая М.С. Рельефы Дмитриевского собора во Владимире. М., 2009. С. 170.

¹⁰² Гладкая М.С. Рельефы Дмитриевского собора во Владимире. М., 2009. С. 172.

¹⁰³ Шилов А.А. Описание рукописей, содержащих летописные тексты (Материалы для Полного собрания русских летописей). Вып. I. СПб., 1910. С. 58.

говорит не о закладке, а об окончании строительства, т. е. Дмитриевский собор мог быть заложен не позднее 1187/88 г.¹⁰⁴».

Правда, при этом исследовательница не пояснила, что послужило основанием для выбора даты закладки храма «не позднее 1187/88 г.». При этом она игнорировала существующий до сих пор обычай, что храм заканчивается строительством с окончанием устройства в нем иконостаса и следующим за этим освящением. В нашем случае речь должна идти об отмеченном Лаврентьевской летописью принесении и постановке в соборе 10 января 1197 г. византийской иконы великомученика Димитрия¹⁰⁵.

Все это заставляет обратиться непосредственно к тексту Летописца владимирского Успенского собора, на который указала Т.П. Тимофеева. В нем читаем: «В лето 6699-е (1190/91) заложи князь великий Димитрий Всеволод церковь камену в Володимере, Рождество Пресвятыя Богородицы, августа в 22 день. И в лето 6705-го (1196) октября в 27 день та церковь освящена бысть. В лето 6699-е (1190/91) великий князь Димитрий Всеволод постави на своемъ дворе церковь камену во имя великомученика Димитрия, и верх ея позлати. [В] лето 6705-го (1197) генваря в 10 день принесена бысть доска из Селуня святого мученика Димитрия з гроба»¹⁰⁶.

Значит ли это, что права Т.П. Тимофеева? К сожалению, строя свои рассуждения, она не обратила внимания на одно обстоятельство. Летописец владимирского Успенского собора был напечатан А.А. Шиловым по двум рукописям. Первая датируется последней четвертью XVII в. и принадлежит Академии наук. Вторая представляет рукопись 1771 г., принадлежавшую Археографической комиссии. В основу публикации как более ранний был взят Академический список, а из Комиссионного в постраничных примечаниях подведены варианты.

В Комиссионном списке в известии о строительстве Дмитриевского собора вместо даты «В лето 6699-е» стоит: «Того же лета», а в известии о принесении «гробной доски» значится: «Тое ж зимы»¹⁰⁷. С учетом более раннего известия об освящении церкви Рождества Богородицы становится понятным, что Дмитриевский собор был построен очень быстро (судя по всему, за один строительный сезон) и закончен к январю 1197 г., когда в него была принесена икона. Тем самым подтверждается правота известия Лаврентьевской летописи, не фиксирующей упоминания собора при пожаре 1193 г.

Строительство Дмитриевского собора, несомненно, потребовало от Всеволода Большое Гнездо серьезных финансовых затрат. Что же подвигло князя на подобную трату денег? Ответ находим в некрологе Всеволода, помещенном в Лаврентьевской летописи под 1212 г. Из него выясняется, что вместе с «гробной доской» в соборе был установлен серебряный чеканный ковчег, в котором хранилась «сорочка» – частица одежды, пропитанная кровью святого мученика. Считалось, что она непрестанно источает миро на здоровье немощным. Об этом говорилось так: «Созда церковь прекрасну на дворе своем святого мученика Димитрия, и украси ю дивно иконами и писаньем, и принес доску гробную из Селуня святого мученика Димитрия, миро непрестанно точащю на здравье немощным, в той церкви постави, и сорочку того мученика ту же положи»¹⁰⁸.

Задумка Всеволода со строительством Дмитриевского собора не была случайной. Мария, будучи по нынешним меркам относительно молодой – на момент возведения храма ей было немногим больше 30 лет, – постоянными родами сильно подорвала свое здоровье. Появились сильные боли в суставах, опухания и отекаания ног, затруднявшие движения.

¹⁰⁴ Православная энциклопедия. Т. XV. М., 2007. С. 207–208.

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 414.

¹⁰⁶ Шилов А.А. Указ. соч. С. 58.

¹⁰⁷ Шилов А.А. Указ. соч. С. 58. Примеч. 5, 9.

¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 436–437.

В этих условиях Всеволод постарался хоть как-то помочь своей любимой супруге и сразу после рождения сына Святослава-Гавриила возвел на своем княжеском дворе храм, напоминающий драгоценный мощевик-реликварий. При этом изображение самого Всеволода и пяти-рых сыновей не случайно было вырезано на северном фасаде собора. Именно с этой стороны открывался на него вид княжеского терема, соединенного с храмом лестничными переходами, откуда его могла видеть княгиня.

Но забота мужа так и не помогла Марии. После рождения в 1198 г. своего последнего сына, Ивана, княгиня серьезно заболела. Из летописной записи о последнем периоде жизни княгини мы знаем, что она более семи лет страдала от тяжелого недуга и едва могла передвигаться. И ныне только Дмитриевский собор напоминает об этой безуспешной попытке князя помочь любимой женщине.

Что касается дальнейшей судьбы реликвий Дмитриевского собора, то икона святого Дмитрия Солунского находилась во Владимире до конца XIV в., когда при митрополите Киприане ее перенесли в Москву. В 1517 г. живопись на ней «поновлялась». В 1701 г. икону вновь «поновил» мастер Оружейной палаты Кирилл Уланов, повторив первоначальное изображение. В настоящее время древняя «доска гробная» под записью 1701 г. хранится в Успенском соборе Московского Кремля. Серебряный ковчежец в виде храма, служивший оправой для «сорочки» святого, находится в Оружейной палате. Ныне в Дмитриевском соборе Владимира выставлены их копии.

Сохранилась ли могила Марии?

Не желая быть обузой для семьи, и прежде всего мужа, Мария приняла решение уйти в монастырь. Ее обет был поддержан членами ее семьи и ростовским епископом Иоанном. В западной части города Владимира рядом с рекой Лыбедью она на свои средства купила участок земли¹⁰⁹. По ее просьбе Всеволод заложил в основанной ею обители каменный Успенский собор.

Под 1200 г. в Лаврентьевской летописи по этому поводу была сделана запись: «Того же лета, месяца июлия в 15 на память святого мученика Кюрика и Улиты заложил благоверный князь великий Всеволод Гюргевич церковь камену во имя святое Богородицы Успения в монастыри Княгинине при блаженном епископе Иоане»¹¹⁰.

Полагают, что храм был одноглавым, четырехстолпным, с красивой внутренней отделкой. В отличие от Дмитриевского собора, украшенного замысловатой резьбой, монастырский Успенский собор по своему внешнему убранству являлся более сдержанным и аскетичным, будучи построенным из тонких кирпичей-плинф на цемяночном растворе. С трех сторон он был окружен галереями. Согласно данным археологического изучения этого храма, его «столбы имели крещатую форму, их закрестиям соответствовали лопатки на внутренних стенах храма. Найденные во время раскопок лекальные кирпичи позволяют предположить, что снаружи стены собора были разделены пучковыми лопатками по аналогии с хронологически близкими памятниками – храмами во имя великомученицы Параскевы Пятницы в Чернигове и во имя архангела Михаила в Смоленске. Успенский собор имел профилированные порталы, в его декорации использовались белокаменные резные детали. Полы были выложены поливной керамической плиткой желтого, зеленого, коричневого, белого и черного тонов»¹¹¹.

Хотя Мария не смогла лично участвовать в закладке собора, она активно интересовалась его строительством. Судя по имеющимся данным, он был построен достаточно быстро, поскольку, согласно Лаврентьевской летописи, в самом конце 1201 г. «в монастыре сестрине» были погребены сестра княгини, жена бывшего новгородского князя Ярослава Владимиро-

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. X. С. 49; Т. XVIII. С. 41; Т. XXI. Ч. 1. Книга Степенная царского родословия. СПб., 1908. С. 227.

¹¹⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 415.

¹¹¹ Баталов А.Л., Маистафаров А.В. Владимирский Княгинин в честь Успения Пресвятой Богородицы женский монастырь // Православная энциклопедия. Т. IX. М., 2005. С. 79. О нем см. также: Тихомиров К.[Н.] Успенский Княгинин девичий монастырь. Описание. Владимир, 1861; Он же. Княгинин Успенский девичий монастырь (во Владимире Кляземском) // Владимирский историко-статистический сборник. Владимир, 1869. С. 3–38 (3-й пагинации); Опись Владимирского Успенского Княгинина девичьего монастыря 1665 года // Там же. С. 39–105; Порфирий. Великая княгиня Мария, основоположница Успенского женского монастыря // Владимирские епархиальные ведомости. 1891. № 16; 700-летний юбилей владимирского Княгинина женского монастыря. 15 июля 1200–1900. Владимир, 1900; Историческое описание первоклассного Княгинина Успенского женского монастыря в губернском гор. Владимире. М., 1900; Порфирий [Виноградов], архимандрит. Древние гробницы во Владимирском кафедральном Успенском соборе и Успенском Княгинином девичьем монастыре и погребенные в них князья, княгини и святители. 2-е доп. изд. Владимир, 1903. С. 98–119; Косаткин В.В. Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии, построенные до начала XIX столетия. Краткие исторические сведения. Ч. 1. Монастыри. Владимир, 1906. С. 199–219; Столетов А.В. Памятники архитектуры Владимирской области. Владимир, 1958. С. 59–64; Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. 1. М., 1961. С. 438–445; Он же. Строители Княгинина собора // Памятники истории и культуры. Вып. 2. Ярославль, 1983. С. 107–109; Столетов И.А. Результаты исследования памятника архитектуры XIII–XVI вв. Успенского собора Княгинина монастыря во Владимире // Памятники истории и культуры. Вып. 1. Ярославль, 1976. С. 88–95; Киприянова Н.В. Феодалная вотчина Владимирского Княгинина монастыря в XVI – первой половине XVIII в. // Вопросы социально-экономической истории Владимирского края периода феодализма. Владимир, 1979. С. 17–36; Успенский Княгинин монастырь во Владимире. М.; Владимир, 1995; Антонов А.В. Вотчинные архивы Владимирских монастырей и соборов XIV – начала XVII в. // Русский дипломатарий. Вып. 4. М., 1998. С. 213–214; Успенский собор Успенского (Княгинина) монастыря // Записки владимирских краеведов. Вып. 2. Владимир, 1998. С. 22–24; Мишин С.Н. Как монахини Княгинина монастыря спасли «женку Фетюшку» от верной гибели // Записки владимирских краеведов. Вып. 3. Владимир, 2000. С. 100–104; Свято-Успенский женский монастырь во Владимире. 1200–2000. Владимир, 2000; Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Владимирская область. Ч. 1. М., 2004. С. 321–337.

вича, умершая 22 декабря 1201 г.¹¹², а зимой 1205/06 г. дочь Марии – Елена, скончавшаяся в самом конце 1205 г.¹¹³ (Н.Г. Бережков ошибочно относит эти смерти к 1200 и 1203 гг. соответственно)¹¹⁴.

Видимо, смерть дочери послужила последним толчком для решения Марии уйти в основанную ею обитель, что было исполнено 2 марта 1206 г., за три недели до ее собственной кончины. В Княгинин монастырь ее провожали муж, сын князь Юрий Всеволодович, любимая дочь княгиня Всеслава, епископ Иоанн, представители духовенства, бояре и горожане. Лаврентьевская летопись сохранила подробное описание: «Того же месяца (марта. – *Авт.*) въ 2 день пострижеса великая княгини Всеволожа во мнишеский чинъ в монастыри святыя Богородицы юже бе самъ создала и нарекоша ей имя Мария, в тоже имя крещена бысть преж. И проводи ю великий князь Всеволод сам со слезами многими до монастыря святыя Богородица и сынъ его Георгий и дщи е Всеслава Ростиславля, иже бе приехала ко отцю и матери своеи и не мочи видети туги, и бысть епископъ Иоанн и Симонъ игумень, отецъ его духовный, и инии игумени и черници вси, и бояре вси и боярыни и черници изо всех монастыревъ и горожане вси. Проводиша ю со слезами многими до монастыря, зане баше до всех презлиха добра. Благоверная княгини Всеволожа изъдетска въ страсе Божье, любяше правду, въздающу честь епископомъ, и игоуменом, и чернцем, и презвитером, и любяше черноризци и подаваше требование имъ, баше бо и нищолубица, и страннолюбица, печальныа и ноужныа, и болныа, тех всех оутешаше, и подаваше им требование»¹¹⁵.

19 марта 1206 г. княгиня скончалась и была торжественно похоронена в Успенском соборе Княгинина монастыря. На ее погребении присутствовали муж, все сыновья (за исключением Константина, находившегося в Новгороде), многие жители Владимира, духовенство, включая гостей и послов из других областей Руси, например, смоленского епископа Игнатия и настоятеля Тверского Отроча монастыря игумена Михаила.

Лаврентьевская летопись, помещая подробный рассказ о пострижении Марии и ее кончине, датирует указанные события 1206 г. Ипатьевская летопись на этот счет молчит, а Новгородская первая летопись помещает очень краткое известие о смерти супруги Всеволода под 1205 г.¹¹⁶

Какая из летописей содержит правильную датировку? Ответить на этот вопрос можно только после того, как удастся выяснить: какое имя носила княгиня в монашестве?

Лаврентьевская летопись подчеркивает, что, постригшись в монахини, княгиня получила то же самое имя, что было дано ей при крещении: «... и нарекоша ей имя Мария, в тож имя крещена бысть преж»¹¹⁷. Но более поздняя Степенная книга говорит о Марии, что она «пострижеса во иноческий чинъ, и претворено бысть имя ей Марфа». Последнее свидетельство вроде бы подтверждается показанием знаменитого историографа Н.М. Карамзина (1766–1826), указавшего, что надгробная плита во Владимире была с именем Марфы Шварновны¹¹⁸. В литературе на данный счет высказана догадка, что княгиня получила имя Мария при пострижении в монашество, а Марфа – при принятии схимы, означавшей высший уровень отречения от мира для соединения с Богом.

Указанное обстоятельство делает необходимым рассказать о тогдашних правилах имянаречения при пострижении. На Руси вплоть до XIV в. включительно существовала традиция имянаречения по имени того святого, на день памяти которого приходилась та или иная церে-

¹¹² ПСРЛ. Т. I. Стб. 416–417.

¹¹³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 421.

¹¹⁴ Бережков Н.Г. Указ. соч. С. 86–88.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 424.

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 424–425; Т. III. С. 246.

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 424.

¹¹⁸ ПСРЛ. Т. XXI. Ч. 1. С. 228; Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. II–III. С. 535. Примеч. 62.

мония. Пожалуй, самый яркий пример в этом плане – Сергей Радонежский, получивший свое мирское имя Варфоломей при крещении в день памяти апостола Варфоломея, а монашеское – Сергей – в день памяти святых Сергия и Вакха, на который пришлось его пострижение. Позднее эта традиция сменилась иной – в XVI в. известен обычай, когда монах получал свое новое имя, начинающееся с той же буквы, с которой начиналось его прежнее светское имя.

Если Мария, помимо монашеского имени, приняла еще и схимническое, то получить последнее она могла только в период пребывания в основанной ею обители – с 2 по 19 марта 1206 г. Какие же события происходили в этот период? Для этого обратимся к небольшой таблице, содержащей календарь на конец февраля – начало апреля этого года (таблица 1). Она была составлена исходя из того, что в 1206 г. Пасха, всегда отмечаемая в воскресенье, выпала на 2 апреля¹¹⁹.

Таблица 1. Календарь на Великий пост 1206 г.

Дни недели	Февраль			Март			
Понедельник	13	20	27	6	13	20	27
Вторник	14	21	28	7	14	21	28
Среда	15	22	1	8	15	22	29
Четверг	16	23	2	9	16	23	30
Пятница	17	24	3	10	17	24	31
Суббота	18	25	4	11	18	25	1
Воскресенье	19	26	5	12	19	26	2
Недели поста	1-я	2-я	3-я	4-я	5-я	6-я	Страстная

Из нее видно, что пребывание Марии в обители пришлось на период Великого поста. Во избежание дальнейшей путаницы следует сделать небольшое уточнение. Слово «неделя» в богослужебном языке означает воскресный день, неделя же в нашем сегодняшнем понимании именуется «седмичей». Каждая из шести седмиц Великого поста (в месяцеслове они называются порядковыми номерами – первая, вторая и т. д.) завершается неделей, посвященной тому или иному празднику или святому. Седьмая постная седмица – Страстная – с богослужебной точки зрения не входит в святую Четыредесятницу. Эти дни посвящены уже не человеческому покаянию, а воспоминанию о последних днях жизни Христа. Седьмое воскресенье – Пасха.

Наше внимание привлекает тот факт, что в неделю пятой седмицы Великого поста церковь особо чтит память преподобной Марии Египетской¹²⁰. В 1206 г. этот праздник пришелся на воскресенье 19 марта. В Древней Руси известен обычай, когда светские люди принимали схиму за несколько часов, если не минут, до своей кончины. Мы не ошибемся, если предположим, что именно так поступила княгиня, приняв имя соименной ей святой в качестве схимнического. Произойти это могло только в 1206 г., поскольку годом ранее Пасха приходилась на 10 апреля. Если это так, то Мария – это ее имя в схиме, а Марфа – монашеское.

Что же касается разночтений источников относительно монашеского имени княгини (Марфа или Мария), то здесь следует учитывать одну особенность русского Средневековья. Если человек принимал схиму или монашеский постриг незадолго до смерти, либо принял

¹¹⁹ См.: Степанов Н.В. Календарно-хронологический справочник // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1917. Кн. 1 (260). С. 67. Табл. 11.

¹²⁰ Житие святой было очень популярно в Древней Руси. См.: Житие Марии Египетской // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. XI–XII века. СПб., 1999. С. 190–215, 528–530.

тайно, его чаще называли по предыдущему имени. Пожалуй, самый известный пример – внук Марии, Александр Невский, в схеме Алексей, но которого все знают под его прежним именем.

Еще при жизни Марии основанный ею монастырь стал усыпальницей представительниц правившей в Северо-Восточной Руси династии. Впоследствии здесь же постриглась и была погребена вторая жена Всеволода Большое Гнездо Анна, с которой он сочетался в 1209 г. (она была дочерью витебского князя Василька Брючиславича). В середине XIII в. тут были похоронены: супруга Александра Невского княгиня Александра (умерла в 1251 г.), их дочь княжна Евдокия, а также его вторая супруга Васса – мать князя Даниила Московского¹²¹. Отсюда и второе название монастыря – Княгинин.

В середине XIII – начале XV в. обитель пользовалась вниманием потомков правящей династии великого князя Ярослава Всеволодовича, которые нередко называли своих дочерей Мариями. Особую духовную связь с Княгининым монастырем имела великая княгиня Евдокия Дмитриевна (супруга московского князя Дмитрия Донского), которую часто сравнивали с Марией. Старшая сестра Евдокии была наречена Марией, так же как и одна из дочерей Евдокии, и ее внучка (дочь великого московского князя Василия I). По-видимому, это была суздальская семейная традиция.

Затем известия о Княгинином монастыре исчезают из летописей и других исторических актов вплоть до начала XVI в. Это было связано с тем, что в начале – середине XV в. основанная Марией обитель запустела. Большой урон ей нанесли внезапное нападение на Владимир в 1410 г. рати нижегородско-суздальского князя Даниила Борисовича и ордынского царевича Талыча, последующая феодальная война второй четверти XV в. В результате пожара Успенский собор монастыря обрушился.

Считается, что деятельность монастыря возобновилась лишь на рубеже XV–XVI вв., поскольку в грамотах Василия III 1512 и 1520 гг. он называется «новым». По предположению одного из крупнейших специалистов по древнерусской архитектуре Н.Н. Воронина, Успенский собор был перестроен в конце XV – начале XVI в. На взгляд позднейших исследователей А.Л. Баталова и А.В. Маштафарова, особенности архитектурного облика храма (композиция фасадов, характер декора и трактовка интерьера) указывают на то, что он был возведен гораздо позднее – в 40-50-х гг. XVI в.¹²²

В данном случае нам ближе позиция Н.Н. Воронина. Дело в том, что в одном из списков Новгородской первой летописи младшего извода находим упоминание, что супруга Всеволода Большое Гнездо «постави церковь Успение святыя Богородицы, новый манастырь великимъ княгинямъ». При этом запись с определением Княгинина монастыря как «нового» сделана на листах бумаги с водяными знаками, палеографически относимыми к 1441 г.¹²³ Тот же текст дословно повторяется и в Летописи Авраамки, датируемой концом XV в.¹²⁴ Данное обстоятельство позволяет связать попытку возрождения обители как места упокоения великих княгинь с именем матери Василия Темного великой княгини Софьи Витовтовны. Но последующие события, и в первую очередь пленение Софьи Дмитрием Шемякой, затормозили, если не поставили крест на ее планах. Под конец жизни Софья перенесла свое внимание на Вознесенский монастырь в Московском Кремле. Там она приняла монашеский постриг и схиму и была похоронена. С этого момента именно Вознесенский монастырь стал местом упокоения женщин правящей московской династии.

Как бы то ни было, полуразрушенный собор обители был перестроен по московскому образцу и в своем современном виде представляет собой одноглавый крестово-купольный

¹²¹ Тихонравов К.[Н]. Княгинин Успенский девичий монастырь (во Владимире Кляземском). С. 5 (3-й пагинации).

¹²² Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. I. С. 441; Баталов А.Л., Маштафаров А.В. Указ. соч. С. 79–80.

¹²³ ПСРЛ. Т. III. С. 468.

¹²⁴ ПСРЛ. Т. XVI. Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. М., 2000. С. 311.

храм. При этом ныне существующий храм был возведен на прежнем фундаменте с сохранением части древних стен (местами до 3 м высотой), которые ныне скрыты под кирпичной кладкой XVI в.

Именно благодаря данному обстоятельству захоронения XIII в. смогли уцелеть. Правда, при этом следует учитывать одно обстоятельство: в силу технологий домонгольского времени размеры храма XIII в. были небольшими. Поэтому княжеские погребения той эпохи устроены не внутри собора, а во внешних стенах (как с северной, так и с южной стороны), точнее – в нишах с полукруглыми сводами с внешней стороны храма. Судя по всему, захоронения произведены на площади ниши и отгорожены стенкой из кирпича на всю высоту аркосолия или до половины. Примеры такого оформления погребений в аркосолиях известны в древнерусских храмах, например, в соборах Смоленска домонгольского времени, да и в самом Владимире.

При этом, как полагал Н.Н. Воронин, проводивший разведочно-археологические работы в обители, в первые годы после постройки храма его окружали неширокие (чуть более 3 м) крытые галереи, выложенные дорогой по тем временам майоликовой плиткой, остатки которой были обнаружены¹²⁵. Очевидно, эти галереи предназначались для подхода к захоронениям.

При восстановлении собора на рубеже XV–XVI вв. его решено было расширить. После того как стены храма возвели вновь на основании древних кладок, его главный объем увеличили за счет устройства северного и южного приделов на месте бывших наружных галерей.

В литературе встречается утверждение, что северный Благовещенский придел был пристроен к основному объему собора в 1665 г. Возведение южного Христорождественского придела датируется 1749 г. Но в данном случае речь должна идти о реконструкции этих приделов, поскольку впервые они упоминаются уже Степенной книгой в 40-х гг. XVI в.¹²⁶ Для нас данный факт важен тем, что после строительства приделов гробница Марии оказалась уже внутри храма – в северном Благовещенском приделе (с его южной стороны).

Из летописных сообщений известно, что Мария была похоронена в каменном гробу. В Летописце Переяславля Суздальского рассказывалось: «...опрятавши тело ея, вложиша ю въ гробъ камень и положиша ю у церкви святыя Богородица въ монастыри, юже бе сама създаде и украсила иконами и писаниемъ всю црковь...»¹²⁷ Однако в 2015 г. фрагментов гроба в аркосолии не обнаружили.

Обращение к документам помогло разъяснить это противоречие. Сохранилось описание гробниц Успенского собора Княгинина монастыря, из которого становится известным, что в середине XVII в. мощи Марии были переложены из ветхого каменного гроба (судя по всему, он был сделан из непрочного известняка) в новый деревянный: «А вынесли ея трии старицы из каменного гроба и положили ея в новом гробе деревянном во всем целу; и лежит во схиме. А старой гроб разсыпался»¹²⁸. Судя по всему, переложение мощей Марии было связано со строительными работами 1665 г. в Благовещенском приделе.

Последнее по времени внедрение в погребение произошло в 1968 г., свидетельством чему являются сделанные тогда же несколько фотографий. По этим фотоматериалам видно, что уже тогда останки находились в потревоженном состоянии. И хотя после работ 1968 г. аркосолий был приведен в порядок (это видно по кладкам из современного кирпича), останки оказались перемешаны. В таком же положении их обнаружили в 2015 г., когда в ходе работ выяснилось, что они принадлежат четырем лицам.

¹²⁵ Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. I. С. 441–445.

¹²⁶ ПСРЛ. Т. XXI. Ч. 1. С. 229.

¹²⁷ ПСРЛ. Т. XLI. С. 127. Л. 537 об. Ср.: Т. XV. Стб. 302 (2-й пагинации).

¹²⁸ Шилов А.А. Указ. соч. С. 64; См. также: Сиренов А.В. Описи древних гробниц в рукописных сборниках XVII в. // История в рукописях и рукописи в истории. Сборник научных трудов к 200-летию Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. СПб., 2006. С. 404.

Идентификация найденных останков

Следующим шагом в нашем исследовании стала идентификация найденных останков. Напомним результаты предыдущих экспертиз.

Осенью 2015 г. в Княгинином монастыре были обнаружены останки четырех индивидов (№ 1 – женщины в возрасте около 45–50 лет, № 2 – женщины в возрасте около 25–30 лет, № 3 – девочки в возрасте около 9 лет, № 4 – лица с неустановленным полом, возраст старше 10 лет). Данные краниотригонометрии, основанные на показателях внешнего сходства, показали близкое родство индивидов № 1 и 3, а также № 2 и 3. Привлечение к анализу черепа сына Марии – великого князя Георгия Всеволодовича – выявило ряд совпадающих признаков с черепом индивида № 3. Вместе с тем результаты исследования ДНК, установив родство индивидов № 1 и 3, отвергли родство индивида № 2 по отношению к индивидам № 1 и 3. Тем самым оказались перечеркнутыми предварительные выводы экспертов, полагавших, что в Княгинином монастыре были обнаружены останки жены Всеволода Большое Гнездо Марии, ее сестры и дочери. Самым обидным было то, что они вроде бы подтверждались известиями Лаврентьевской летописи о захоронениях в обители, сомневаться в достоверности которых не приходится.

Указанное обстоятельство еще раз подчеркивает огромную ответственность экспертных идентификаций за сделанные выводы, так как их успешное завершение (в том смысле, что останки оказываются принадлежащими именно ожидаемой исторической персоне), как правило, предваряет начало неких социально значимых событий. К их числу относятся: сооружение различных памятных знаков, серии сообщений в средствах массовой информации, в ряде случаев являются необходимым шагом для начала процесса канонизации. Любая, даже мелкая неточность в экспертизе может вызвать волну сомнений. В этом плане достаточно вспомнить о проблемах идентификации останков членов семьи последнего российского императора, которая осуществляется уже не одно десятилетие и имеет большой общественный резонанс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.